

Все мы хорошо знаем и любим русские народные сказки: бытовые, героические, волшебные. Они выходят огромными тиражами. Наше же издание особенное. Здесь собраны сказки, посвящённые грамотности, чтению и, конечно, самой книге. На Руси всегда с почтением относились к человеку, умеющему читать и писать, а книгу считали особой ценностью. Недаром многие сказки указывают на то, что и простой народ был грамотен: и крестьянский сын Илья Муромец, и Фома Беренников, и солдат из сказки «Окаменелое царство». Уверены, что юные читатели откроют здесь для себя ещё одну грань богатейшей сокровищницы народного творчества.

ISBN 978-5-91540-074-9

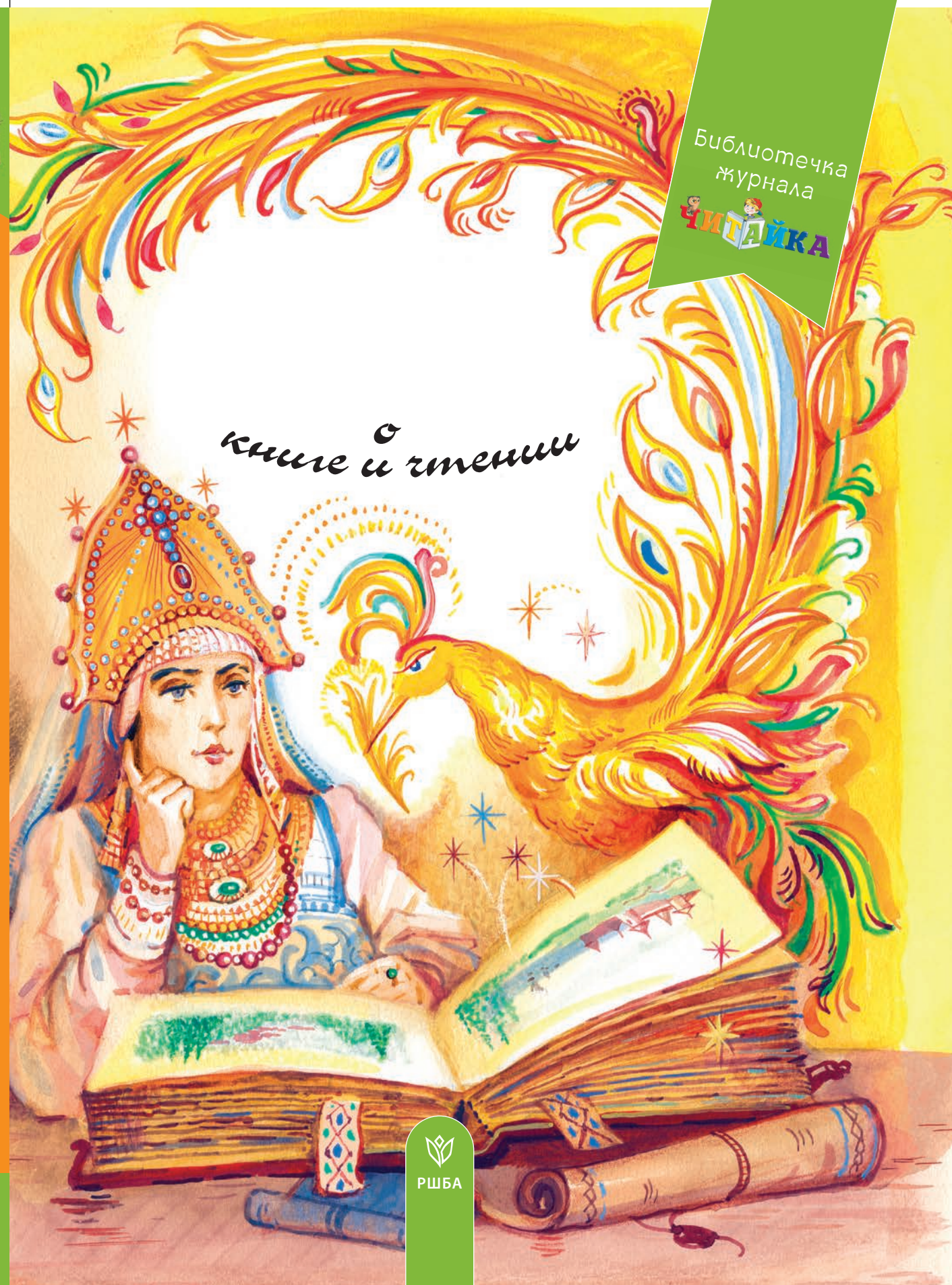
РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ

о книге и чтении

РШБА

Библиотечка
журнала

ЧИТАЙКА

книге и чтении

РШБА

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «ЧИТАЙКА»
Выпуск 1

100 Сказок и книге и чтения

В ДВУХ КНИГАХ

Книга 1

МОСКВА

Русская школьная библиотечная ассоциация

2011

УДК 821.161.1-34
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
С81

Серия основана в 2011 г.

Руководитель проекта
Т.Д. ЖУКОВА

Составитель, автор предисловия и заключительной статьи
Ю.Н. СТОЛЯРОВ

Оформление
Д.В. ПОЛЯКОВ

В книге использованы рисунки детей — участников конкурса
«100 сказок о книге и чтении»

Текст печатается по изданию:
Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. М., Наука, 1984.

100 сказок о книге и чтении: сборник русских народных сказок: в
2 кн. / [Сост., предисл., заключит. ст. Ю.Н. Столяров, Т.Д. Жукова;
оформл. Д.В. Поляков]. — М.: РШБА, 2011. — 192 с.: ил. +32 с. вкл. —
(Библиотечка журнала «Читайка»; вып. 1)

ISBN 978-5-91540-074-9 (кн. 1)
ISBN 978-5-91540-044-2

В издании представлены русские народные сказки, в которых упоминается тема грамотности, книги, чтения. Они отобраны по итогам Всероссийского конкурса «Сто сказок о книге и чтении», проведённого Русской школьной библиотечной ассоциацией в 2008–2009 гг. и охватившего 59 регионов России.

Издание иллюстрировано рисунками участников конкурса.

Тексты сказок сопровождаются словарем старинных и местных слов.

Библиотекарям, педагогам и родителям даны рекомендации о том, как приобщать детей к чтению сказок.

Этот сборник для детей, родителей, педагогов, библиотекарей помогает раскрыть мир русских народных сказок как сокровищницу педагогических идей. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 9785-91540-074-9 (кн. 1)
ISBN 9785-91540-044-2

© Столяров. Ю.Н. Составление, предисловие, заключительная статья, 2011
© Оформление, словарь. Русская школьная библиотечная ассоциация, 2011

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Говорят, что нынешние дети мало читают. Это подтверждают многочисленные опросы во всём мире.

Зато те, кто любит книгу, намного богаче духовно, у них лучше развит язык, они свободнее владеют выразительной речью по сравнению со своими сверстниками! Любители чтения грамотно излагают сложные мысли устно и на бумаге.

Самое увлекательное чтение в твоём возрасте — сказки, и прежде всего русские народные сказки. А среди них особо выделяются те, в которых говорится о пользе грамотности, чтения. Таких сказок немало. Мы решили собрать их в одной книге. Ты убедишься, что умение читать и писать выручало сказочных героев в самую трудную минуту жизни. Оно позволяло им передать важные сведения, предупредить близких об опасности или поделиться радостью и просто давало возможность с пользой провести свободное время.

Все сто сказок не смогли уместиться в одном сборнике. Он получился очень большим. Поэтому мы разделили его на две части.

Все картинки в книгах нарисовали ребята, которые участвовали в конкурсе «100 сказок о книге и чтении», проведённом журналом «Читайка».

В конце сборника мы поместили полный список из ста сказок, которые рекомендуем тебе прочитать. Может быть, какие-то из них ты найдёшь дома или в библиотеке. А если нет — то попроси родителей приобрести выходящие в «Библиотечке журнала «Читайка» сборники «Сто сказок о книге и чтении». Мы постарались включить в них все сказки — от самых известных до мало печатающихся, но не менее интересных.

Читать сказки, придуманные несколько веков назад, современному человеку непросто. В них много непонятных слов и выражений, обозначающих предметы, одежду, оружие, каких сейчас уже не встретишь. Проще всего отложить книгу и сказать, что ничего не понятно. Но настоящий, вдумчивый читатель всегда старается докопаться до сути, узнать, что означает то или иное слово. Об этом можно спросить у старших, поискать в словаре или даже в Интернете.

Чтобы тебе легче было читать эту книгу, в конце мы поместили словарь непонятных и старинных слов. Встретил непонятное слово в сказке — загляни в конец книги и найди его объяснение. Слова в словаре расположены по алфавиту, это поможет тебе быстро ориентироваться.

Ну что ж — принимайся за чтение. Желаем тебе многих приятных, увлекательных и полезных минут!

ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью. Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то гласит из этой башни: «Эй, служивый!» Солдат спрашивает: «Кто меня кличет?» — «Это я — нечистый дух, — отзывается голос из-за железной решётки, — тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши». — «Что ж тебе надо?» — «Выпусти меня на волю; как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни меня — и я в ту ж минуту явлюсь к тебе на выручку». Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери — нечистый вылетел из башни, взвился кверху и сгинул быстрее молнии. «Ну, — думает солдат, — наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и, чего доброго, — заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть». Бросил ружьё и ранец на землю и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался: «Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, завсегда был сыт и доволен, каждый день по три фунта хлеба получал; так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодной смертью. Эх, дух нечистый, всему ты виною». Вдруг откуда ни взялся — стал перед ним нечистый и спрашивает: «Здравствуй, служивый! О чём горюешь?» — «Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю». — «Не тужи, это дело поправное!» — сказал нечистый, туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовёт его с собою: «В моём доме будет тебе житьё привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми — больше мне ничего не надобно». Солдат согласился; нечистый подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принёс за тридевять земель, в тридесятое государство — в белокаменные палаты.

У нечистого было три дочери — собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости; известно — нечистый дух! На месте никогда не сидит, а всё по свету рыщет да людей смущает, на грех наводит. Остался солдат с красными девицами, и такое ему житьё вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят — неведомо. Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются. «Ладно

же, — думает солдат, — буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь». Вечером лёг солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждёт не дожждётся — что-то будет?

Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку. Красные девицы принесли волшебный ковёр, разостлали по полу, ударились о тот ковёр и сделали голубками; встрепнулись и улетели в окошко. «Что за диво! — думает солдат. — Дай-ка я попробую». Вскочил в спальню, ударился о ковёр и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку. Голубки опустились на зелёный луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда. На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон. Немного погодя осияло и небо и землю — летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королева Елена Премудрая — такой красоты неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать! Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зелёного лугу и полетели каждая в свою сторону, птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сёстрами и вместе с ними очутилась в спальне. Голубки ударились о ковёр — сделали красными девицами, а малиновка

ударилась — обернулась солдатом. «Ты откуда?» — спрашивают его девицы. «А я с вами на зелёном лугу был, видел прекрасную королевну на золотом троне и слышал, как учила вас королевна разным хитростям». — «Ну, счастье твоё, что уцелел! Ведь эта королевна — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была её волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала — и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зелёный луг, не дивись на Елену Премудрую; не то сложишь буйну голову». Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает; дождался другой ночи, ударился о ковёр и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зелёный луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любит её красотой ненаглядною и думает: «Если б такую жену добыть — ничего б в свете пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка полетела. Приехала королевна во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили её под руки и увели в расписные палаты. А птичка-малиновка, порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королевна целую ночь и глаз не смыкала — всё слушала. Только взошло красное солнышко, закричала

Елена Премудрая громким голосом: «Няньки и мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!» Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку; да куды им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не даётся.

Не стерпела королевна, выбежала в зелёный сад, хочет сама ловить птичку-малиновку; подходит к кустику — птичка с ветки не трогается, сидит опустья крылышки — словно её дожидается. Обрадовалась королевна, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне. День прошёл, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зелёный луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Малиновка смотрит на её тело белое, на её красу ненаглядную и вся как есть дрожит. Как только уснула королевна, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем. Подошёл добрый молодец к королевниной кровати, смотрел-смотрел на красавицу, не выдержал и чмок её в уста сахарные. Видит — королевна просыпается, обернулся поскорей мухою, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза; глянула кругом — нет никого. «Видно, — думает, — мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула. А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз — чутко спит королевна, после всякого поцелуя пробуждается. За третьим разом

встала она с постели и говорит: «Тут что-нибудь да недаром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу». Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат. «Ах ты невежа! — закричала Елена Премудрая. — Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь».

Нечего делать — вылетела птичка-малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Пал солдат на колени перед королевой и зачал просить прощения. «Нет тебе, негодяю, прощения», — отвечала Елена Премудрая и крикнула палача и плаху рубить солдату голову. Откуда ни взялся — стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнёт королева платком, и покатится молодецкая голова!.. «Смилуйся, прекрасная королева, — просит солдат со слезами, — позволь напоследях песню спеть». — «Пой, да скорей!» Солдат затянул песню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату: «Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать — велю рубить тебе голову».

Вышел солдат из дворца, забрёл в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился: «Ах, дух нечистый! Всё из-за тебя пропадаю». В ту ж минуту явился к нему нечистый: «Что тебе, служивый, надоб-

но?» — «Эх, — говорит, — смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?» Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом: «Садись, служивый, ко мне на спину; я тебя занесу в поднебесье». Солдат сел на орла: орёл взвился кверху и залетел за облака-тучи чёрные. Прошло пять часов, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела — и всё словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом: «Полно, орёл, летать по поднебесью; опускайся на низ — от меня ведь не укроешься». Орёл опустилсся наземь.

Солдат пуще прежнего закручинился: «Что теперь делать? Куда спрятаться?» — «Постой, — говорит нечистый, — я тебе помогу». Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавою, а сам сделался мышкою, схватил булаву в зубы, прокрался во дворец, нашёл волшебную книгу и воткнул в неё булаву. Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела-смотрела — книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна и швырнула её в печь. Булава выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Елена Премудрая взяла его за руку. «Я, — говорит, — хитра, а ты и меня хитрей!» Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

ЦАРЕВНА, РАЗРЕШАЮЩАЯ ЗАГАДКИ

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак. Какой-то был тогда царь — это давно уж было; у него была дочь. Она и говорит отцу: «Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю, за того пойду замуж». Тотчас сделали клич; многие являлись, всех казнили: царевна отгадывала загадки. Иван-дурак говорит отцу: «Благословляй, батюшка! Я пойду к царю загадывать загадки!» — «Куда ты, дурак! И лучше-то тебя, да казнят!» — «Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду!» Отец благословил. Иван-дурак поехал, видит: на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал её кнутиком, чтоб не отапывала, и говорит: «Вот загадка есть!» Едет дальше, видит змею, взял её заколол копьём и думает: «Вот другая загадка!»

Приезжает к царю; его приняли и велят загадывать загадки. Он говорит: «Ехал я к вам, вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало». Царевнахватила книжку, смотрит: нету

этой загадки; не знает разгадать и говорит отцу: «Батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались; я завтра разгадаю». Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Он вечером сидит, покуривает трубочку; а царевна выбрала верную горнишну, посылает её к Ивану-дураку: «Поди, — говорит, — спроси у него, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чего угодно».

Горнишна приходит, стучится; Иван-дурак отпер двери, она вошла и спрашивает загадку, сулит горы золота и серебра. Иван-дурак и говорит: «На что мне деньги! У меня своих много. Пусть царевна простоит всю ночь не спавши в моей горнице, дак скажу загадку». Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь — не спала. Иван-дурак утром сказал загадку, что выгнал из хлеба лошадь. И царевна разгадала.

Иван-дурак стал другую загадывать: «Ехал я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло». Царевна опять схватила книжку, не может разгадать загадку и отпросилась до утра. Вечером посылает горнишну узнать у Ивана-дурака загадку: «Сули, — говорит, — ему денег!» — «На что мне деньги! У меня своих много, — отвечает Иван-дурак, — пусть царевна простоит ночь не спавши, тогда скажу загадку». Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иван-дурак так не стал загадывать, а велел собрать всех сенаторов и загадал, как царевна не умела отгадывать те загадки и посылала к нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не

могла догадаться и этой загадки; опять к нему спрашивать — сулила серебра и золота сколько угодно и хотела отправить домой на прогоне. Не тут-то было! Опять простояла ночь не спавши; он как сказал ей, о чём загадка, — ей разгадывать-то нельзя; о ней, значит, узнают, как и те загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И ответила царевна: «Не знаю». Вот весёлым пирком, да и за свадебку: Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут.

ВЕЩИЙ СОН

Жил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. Раз, благословляя их на ночь, сказал им отец: «Ну, дети, кому что во сне привидится — поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю». Вот наутро приходит старший сын и рассказывает отцу: «Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах; да ещё будто пропала у тебя любимая овца». — «А тебе, Ваня, что привиделось?» — «Не скажу!» — отвечал Иван. Сколько отец ни принуждал его, он упёрся и на все увещания одно твердил: «не скажу!» да «не скажу!». Купец рассердился, позвал своих приказчиков и велел взять непослушного сына, раздеть донага и привязать к столбу на большой дороге.

Приказчики схватили Ивана и, как сказано, привязали его нагишом к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печёт его, комары кусают, голод и жажда измучили. Случилось ехать по той дороге молодому царевичу; увидел он купеческого сына, сжалился и велел освободить его, нарядил в свою одежду, привез к себе во дворец и начал рас-

спрашивать: «Кто тебя к столбу привязал?» — «Родной отец прогневался». — «Чем же ты провинился?» — «Не хотел рассказать ему, что мне во сне привиделось». — «Ах, как же глуп твой отец, за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?» — «Не скажу, царевич!» — «Как не скажешь? Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас, не то худо будет». — «Отцу не сказал, и тебе не скажу!» Царевич приказал посадить его в темницу; тотчас прибежали солдаты и отвели его, раба Божьего, в каменный мешок.

Прошёл год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься на Елене Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять возле самой темницы. Увидал её в окошечко Иван купеческий сын и закричал громким голосом: «Смилуйся, царевна, выпусти меня на волю; может, и я пригожусь! Ведь я знаю, что царевич поехал на Елене Прекрасной свататься; только без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько женихов на тот свет спровадила». — «А ты берёшься помочь царевичу?» — «Помог бы, да крылья у сокола связаны». Царевна тотчас же отдала приказ выпустить его из темницы. Иван купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их и с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку словно братья родные — рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной

мерке шитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвёртый подъезжают к дремучему лесу, и послышался им страшный крик. «Стойте, братцы! — говорит Иван. — Подождите немножко, я на тот шум пойду». Соскочил с коня и побежал в лес; смотрит — на поляне три старика ругаются. «Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?» — «Эх, молодой юнош! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковёр-самолёт и сапоги-скороходы; да вот уже семьдесят лет как спорим, а поделиться никак не можем». — «Хотите, я вас разделю?» — «Сделай милость!» Иван купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому — налево, а третьего посылает прямо: «Кто из вас первый принесёт стрелу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тот ковёр-самолёт получит; а последний пусть возьмёт сапоги-скороходы». Старики побежали за стрелками; а Иван купеческий сын забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам. «Братцы, — говорит, — пускайте своих добрых коней на волю да садитесь ко мне на ковёр-самолёт».

Живо уселись все на ковёр-самолёт и полетели в царство Елены Прекрасной; прилетели к её стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор. «Что вам надобно?» — спросил царевич. «Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от

чистого сердца». Царевич принял их на свою службу и распределил кого в повара, кого в конюхи, кого куда. В тот же день нарядился царевич по-праздничному и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими ествами и дорогими напитками и потом стала спрашивать: «А скажи, царевич, по правде, зачем к нам пожаловал?» — «Да хочу, Елена Прекрасная, за тебя посвататься; пойдёшь ли за меня замуж?» — «Пожалуй, я согласна; только выполни наперёд три задачи. Если выполнишь — буду твоя, а нет — готовь свою голову под острый топор». — «Задавай задачу!» — «Будет у меня завтра; а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему неизвестному своё под пару».

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван купеческий сын: «Что, царевич, не весел? Али чем досадила Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною; тебе легче будет». — «Так и так, — отвечает царевич, — задала мне Елена Прекрасная такую задачу, что ни один мудрец в свете не разгадает». — «Ну, это ещё небольшая беда! Молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренее, завтра дело рассудим». Царевич лёг спать, а Иван купеческий сын надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошёл прямо в почивальню и слушает. Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке: «Возьми эту дорогую материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее».

Служанка побежала куда приказано, а следом за ней и Иван пошёл. Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко; Иван купеческий сын взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман. Засуетился бедный башмачник — из-под носу пропала работа; уж он искал-искал, все уголки обшарил — всё понапрасну! «Вот чудо! — думает. — Никак нечистый со мной пошутил?» Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понёс к Елене Прекрасной. «Экий ты мешкотный! — сказала Елена Прекрасная. — Сколько времени за одним башмаком провозился!» Села она за рабочий столик, начала вышивать башмак золотом, крупным жемчугом униживать, самоцветными камнями усаживать. А Иван тут же очутился, вынул свой башмачок и сам то же делает: какой она возьмёт камушек, такой и он выбирает; где она приткнёт жемчужину, там и он насаживает. Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит: «С чем-то царевич завтра покажется?» — «Подожди, — думает Иван, — ещё неведомо, кто кого перехитрит!»

Воротился домой и лёг спать; на заре на утренней встал он, оделся и пошёл будить царевича; разбудил и даёт ему башмачок: «Поезжай, — говорит, — к Елене Прекрасной и кажи башмачок — это её первая задача!» Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте; а у ней гостей собрано полны комнаты — всё бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, тотчас заиграла музыка, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали. Елена

Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными камнями усаженный; а сама глядит на царевича, усмехается. Говорит ей царевич: «Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден! Видно, подарить тебе другой такой же!» С этим словом вынул он из кармана другой башмачок и положил его на стол. Тут все гости в ладоши захлопали, в один голос закричали: «Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной». — «А вот увидим! — отвечала Елена Прекрасная. — Пусть исполнит другую задачу».

Вечером поздно воротился царевич домой ещё пасмурней прежнего. «Полно, царевич, печалиться! — сказал ему Иван купеческий сын. — Молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренее». Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в то самое время отдавала приказ своей любимой служанке: «Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне уточку». Служанка побежала на птичий двор, и Иван за нею; служанка ухватила уточку, а Иван селезня, и тем же путём назад пришли. Елена Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван купеческий сын смотрит да то же творит над селезнем. На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашивает царевича: «Угадал ли мою задачу?» — «Угадал, Елена Прекрасная! Вот к твоей уточке пара», — и пускает тотчас селезня... Тут все бояре в один голос

крикнули: «Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную». — «Постойте, пусть исполнит наперёд третью задачу».

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и говорить не хочет. «Не тужи, царевич, ложись лучше спать; утро вечера мудренее», — сказал Иван купеческий сын; сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. А она собралась на сине море ехать, села в коляску и во всю прыть понеслася; только Иван купеческий сын ни на шаг не отстаёт. Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед — борода у него золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на берег: «Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся; поищи-ка у меня в головушке». Лёг к ней на колени и задремал сладким сном; Елена Прекрасная ищет у деда в голове, а Иван купеческий сын у ней за плечами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса; а Иван купеческий сын не три волоса, а целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал: «Что ты, с ума сошла? Ведь больно!» — «Прости, дедушка! Давно тебя не чесала, все волосы перепутались». Дед успокоился и немного погодя опять захрапел. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван купеческий сын схватил его за бороду и чуть не всю оторвал. Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море. «Теперь царевич попался! — думает Елена Прекрасная. — Таких

волос ему не добыть». На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная показывает ему три волоса серебряные да три золотые и спрашивает: «Видал ли ты где этакое диво?» — «Нашла чем хвастаться! Хочешь, я тебе целый пучок подарю». Вынул и подал ей клок золотых волос да клок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает? И видит по книге, что не он хитёр, а хитёр его слуга — Иван купеческий сын. Воротилась к гостям и пристала к царевичу: «Пришли-де ко мне своего любимого слугу». — «У меня их двенадцать». — «Пришли того, что Иваном зовут». — «Да их всех зовут Иванами». — «Хорошо, — говорит, — пусть все придут!» — а в уме держит: «Я и без тебя найду виноватого!» Отдал царевич приказание — и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос. «Кто из вас большой¹?» — спросила Елена Прекрасная. Они разом все закричали: «Я большой! Я большой!» — «Ну, — думает она, — тут спроста ничего не узнаешь!» — и велела подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой завсегда сама пила; налила те чарки дорогим вином и стала добрых молодцев потчевать. Никто из них не берёт простой чарки, все к золотой потянулись

¹ Старший.

и давай её вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали!

Видит Елена Прекрасная, что штука её не удалась; велела этих молодцев накормить-напоить и спать во дворе положить. Вот ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним с своею волшебною книгою, глянула в ту книгу и тотчас узнала виновного; взяла ножницы и остригла у него висок. «По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить». Поутру проснулся Иван купеческий сын, взялся рукой за голову — а висок-то острижен; вскочил он с постели и давай будить товарищей: «Полно спать, беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски». Через час времени позвала их к себе Елена Прекрасная и стала отыскивать виноватого; что за чудо? На кого ни взглянет — у всех виски острижены. С досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила в печь. После того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была весёлая; три дня народ без просыпу пьянствовал, три дня кабаки и харчевни стояли отворены — кто хошь приходи, пей и ешь на казённый счет!

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женою ехать в своё государство; а двенадцать добрых молодцев вперёд отпустил. Вышли они за город, разостлали ковёр-самолёт, сели и поднялись выше облака ходячего; летели-летели и опустились как раз у того дремучего лесу, где своих добрых коней покинули. Только успели сойти с ковра, глядь — бежит к ним старик со стрелкою. Иван купеческий сын

отдал ему шапку-невидимку. Вслед за тем прибежал другой старик и получил ковёр-самолёт; а там и третий — этому достались сапоги-скороходы. Говорит Иван своим товарищам: «Седлайте, братцы, лошадей, пора в путь отправляться». Они тотчас изловили лошадей, оседлали их и поехали в своё отечество. Приехали и прямо к царевне явились; та им сильно обрадовалась, расспросила о своём родном братце, как он женился и скоро ль домой будет? «Чем же вас, — спрашивает, — за такую службу наградить?» Отвечает Иван купеческий сын: «Посади меня в темницу, на старое место». Как его царевна ни уговаривала, он таки настоял на своём; взяли его солдаты и отвели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодою супругою; встреча была торжественная: музыка играла, в пушки палили, в колокола звонили, народу собралось столько, что хоть по головам ступай! Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу; он осмотрелся кругом и стал спрашивать: «Где же Иван, мой верный слуга?» — «Он, — говорят, — в темнице сидит». — «Как в темнице? Кто смел посадить?» Докладует ему царевна: «Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его про какой-то сон расспрашивал, а он сказать не хотел». — «Неужли ж это он?» — «Он самый; я его на время к тебе отпускала». Царевич приказал привести Ивана купеческого сына, бросился к нему на шею и просил не попомнить старого зла. «А знаешь, царевич, — говорит ему Иван, — всё, что с тобою случи-

лося, мне было наперёд ведомо; всё это я во сне видел; оттого тебе и про сон не сказывал». Царевич наградил его генеральским чином, наделил богатыми именьями и оставил во дворце жить. Иван купеческий сын выписал к себе отца и старшего брата, и стали они все вместе жить-поживать, добра наживать.

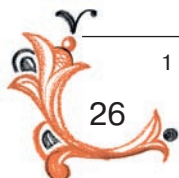

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

В одном городе жил купец с купчихою, и дал им Господь сына не по годам смышлёного, по имени Василия. Раз как-то обедали они втроём; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил: «Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне вправду, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, кажись — при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра». А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза озойливо¹ и сказал: «Я знаю, что соловей поёт, да сказать боюсь». — «Говори без утайки!» — пристали к нему отец с матерью, и Вася со слезами вымолвил: «Соловей предвещает, что придёт пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать». Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть своё детище; построили небольшую лодочку, в тёмную ночь положили в неё сонного

¹ Пристально.

мальчика и пустили в открытое море. На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывёт лодка по морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе, расспросил про всё и обещал держать и любить его, как родного сына. На другой день говорит мальчик новому отцу: «Соловей-де напевает, что подыметесь буря, ломает мачты, прорвёт паруса; надо поворотить в становище». Но корабельщик не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса. Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит: «Соловей-де напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, всё разбойничьих, во полон нас возьмут!» На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, всё разбойничьих, пробежали мимо.

Выждал корабельщик, сколько надобно, и поплыл дальше. Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у здешнего короля уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с ворониhoю и воронёнком, ни днем, ни ночью никому угомон¹ не дают. Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить²; даже

¹ Покоя.

² Отогнать.

дробь не берёт! И приказано было от короля прибить на всех перекрёстках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с ворониhoю, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жёны; а кто возьмётся за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова. Много было охотников породниться с королём, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика: «Позволь пойти к королю — отогнать ворона с ворониhoю». Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать. «Ну, ступай, — говорит, — да если что недоброе случится — на себя пеняй!» Пришёл Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронё летало. Послушал птичьего крику и говорит королю: «Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их воронёнок; ворон с ворониhoю спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?» Король говорит: «Отцу». Только изрёк король это слово, ворон с воронёнком полетели вправо, а ворониха — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нём в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства. Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать. В одном городе остановился он ночевать; пере-

ночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умыться. Хозяин принёс ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

СКОРЫЙ ГОНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная: скоро ехать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ехать — и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго — Василий, а третьего — Семён малый юныш. Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени всё было исправлено: намо́щены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая. Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану: «Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить — добро или худо?» По родительскому приказанию пошёл Иван и сел в скрытном месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя: «Кто этот мост мостил да дорогу

расчищал — чего бы он у Господа ни попросил, то бы ему Господь и даровал!» Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового. «Этот мост, — говорит, — мостил я с отцом да с братьями». — «Чего ж ты просишь у Господа?» — спрашивают старцы. «Вот кабы Господь дал мне денег на век!» — «Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой — даст тебе Господь денег на целый век!» Иван пошёл в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и камня драгоценного и понёс домой. «Ну, сынок, — спрашивает убогий, — видел ли кого, что бы шёл али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?» Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает убогий среднего сына Василия. Пошёл Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят: «Кто этот мост мостил — чего бы у Господа ни попросил, то бы ему Господь и дал!» Как скоро услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями». — «Чего же ты у Бога просишь?» — «Вот кабы Господь дал мне хлеба на век!» — «Хорошо, поди домой, выруби новину и посеяй: даст тебе Господь хлеба на целый век!» Василий пришёл домой, рассказал про всё отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает убогий меньшего сына. Семён малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят: «Кто этот мост мостил — чего бы у Господа ни попросил, то бы ему Господь и дал!» Семён малый юныш услышал эти слова, выступил к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями». — «Чего же ты у Бога просишь?» — «А прошу у Бога милости: послужить великому государю в солдатах». — «Проси другого! Солдатская служба тяжёлая; пойдёшь в солдаты, к морскому царю в полон попадёшь, и много будет твоих слёз пролито!» — «Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сем свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке». — «Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу — мы тебя благословляем!» — сказали старцы Семёну, наложили на него свои руки и обратили в оленя быстрого.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул — и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца. Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул. Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка; усмотрели её отец и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула, и назад. Прилетела к двум старцам, старцы сделали её по-прежнему человеком и говорят: «Теперь, Семён малый юныш, иди на царскую

службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою золотая головка: мы тебя научили».

Семён малый юныш пришёл домой и стал у отца проситься на царскую службу. «Куда тебе идти, — отвечал убогий, — ты ещё мал и глуп!» — «Нет, батюшка, отпусти; на то Божья воля есть». Убогий отпустил, Семён малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошёл в дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришёл он на царский двор, прямо к царю, и сказал: «Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить». — «Говори, Семён малый юныш!» — «Ваше величество! Возьмите меня в военную службу». — «Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?» — «Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других; в том уповаю на Бога». Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при своём лице. Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокую войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное время собралось всё войско в готовности. Семён малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шёл царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко — дня через три надо и бой начинать. В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого — нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не

возьмётся ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и всё царство. Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит: в два года, а кто — в один год; а Семён малый юныш доложил государю: «Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня». Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семён малый юныш принял от царя грамотку и пошёл в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная; бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; пустил во всю заячью прыть. Бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку золотая головка; ещё быстрее полетел, летел-летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась. Обернулся человеком, вошёл во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла её, распечатала, прочитала и говорит: «Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?» — «А вот как», — отвечал гонец — обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошёл к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя

с головы клок шерсти. Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клок шерсти. Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку; Марья-царевна срезала у ней с головы золотых пёрышков, и всё это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые пёрышки завязала в платок и спрятала к себе. Птичка золотая головка обратилась в гонца.

Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошёл Семён малый юныш обратно к царю. Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкою и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лёг он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул; в это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидел он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принёс к государю и сказал: «Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семён малый юныш, верно года три проходит!» Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семён малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унёс в

самую глубину. Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришёл к нему морской царь: «Что, Семён малый юныш, скучно тебе здесь?» — «Скучно, ваше величество!» — «Хошь на русский свет?» — «Хочу, если ваша царская милость будет». Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушёл в море. Семён малый юныш начал Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унёс в морскую глубину.

Прожил там Семён малый юныш ещё целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь: «Что, али тебе скучно?» — «Скучно!» — молвил Семён малый юныш. «Хошь на русский свет?» — «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его в полночь на берег, сам ушёл в море. Начал Семён малый юныш со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Только чуть-чуть рассветать стало, пришёл морской царь, ухватил его и унёс в морскую глубину. Прожил Семён малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал. «Что, Семён, скучно тебе?.. — спрашивает морской царь. — Хошь на русский свет?» — «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его на берег, сам ушёл в море. Семён малый юныш начал со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семён малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца. А покуда всё это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семён малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста. Увидала его Марья-царевна и говорит царю: «Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить». — «Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?» — «Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он — сейчас пришёл! Покажи-ка, Семён малый юныш, как в те поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом». Семён малый юныш оборотился в оленя быстрого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в каком месте она её срезала, и говорит: «Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки». Олень оборотился в зайца; зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть. Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкой; птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые пёрышки. Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семёна малого юнышу и сделал его своим наследником.

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать — как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумал он бежать: ранец через плечо, ружьё на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать: «Куда идёшь? Аль батальонный требует?» — «Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!» И пошёл он, добрый молодец, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шёл — пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает: «Нельзя ли где отдых взять?» Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал позвать того служивого перед свои светлые очи. Вот явился солдат, как следует — при форме, сделал ружьём на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король: «Ска-

жи мне по совести, откуда и куда идёшь?» — «Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить». Признулся во всём королю по совести и стал на службу проситься. «Хорошо, — сказал король, — наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно — кто-то ломает мои любимые деревья, так ты постарайся — сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую». Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит — всё у него исправно; вот и третий год на исходе, пошёл однажды сад оглядывать и видит — половина что ни есть лучших деревьев поломаны. «Боже мой! — думает сам с собою. — Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить». Взял ружьё в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался. Вдруг послышался треск и шум, очнулся добрый молодец, глядь — прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валять деревья. Солдат выстрелил в неё из ружья, убить не убил, а только ранил её в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутёк пустилась. Солдат за нею; ноги у птицы быстрые, скорёхонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печёнки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся — что же? — и под землёй такой же свет. «Стало быть, — думает, — и здесь есть люди!» Шёл-шёл, перед ним большой го-

род, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать — часовой молчит, не движется; взял его за руку — а он совсем каменный! Взошёл солдат в караульню — народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит — комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему — словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружьё и стал у дверей. Входит в палату прекрасная царевна с мамками, няньками; солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась. «Здравствуй, служивый! Расскажи, — говорит, — какими судьбами ты сюда попал?» Солдат начал рассказывать: «Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вот я подстерёг её, выстрелил из ружья и выбил у неё из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь». — «Эта птица — мне родная сестра: много она творит всякого зла и на моё царство беду наслала — весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай её с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай своё — читай книжку да держи её крепче, чтоб не вырвали; не то жив не будешь! Если прстоишь три ночи, то выйду за тебя замуж». — «Ладно!» — отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело — появилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает. Закричали петухи — и всё разом сгнуло! На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал. Запели петухи — и демонское наваждение сгнуло! В тот самый час всё царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царица с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем. На другой день женился он на прекрасной царице и зажил с нею в любви и радости.

БЕРЁЗА И ТРИ СОКОЛА

 тслужил солдат свой законный срок, получил отставку и пошёл на родину. Идёт путём-дорогою, а навстречу ему нечистый. «Стой, служивый! Куда идёшь?» — «Домой иду». — «Что тебе дома! Ведь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мне в работники; я тебе большое жалованье положу». — «А в чём служба?» — «Служба самая лёгкая: мне надобно ехать за синие моря к дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль их до моего приезда». Солдат согласился. «Без денег, — думает, — плохое житьё; хоть у чёрта, всё что-нибудь да заработаю!» Нечистый привёл его в свои палаты, а сам уехал за синие моря.

Вот солдат ходил, ходил по разным комнатам; сделалось ему скучно, и вздумал он пойтить в сад; вышел, смотрит — стоит берёза. И говорит ему берёза человеческим голосом: «Служивый! Сходи вот в такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы дал тебе то самое, что ему нынче во сне привиделось». Солдат пошёл, куда ему сказано; священник тотчас достал книгу: «Вот тебе — возьми!» Солдат

взял; приходит назад. «Спасибо, добрый человек! — говорит берёза. — Теперь становись да читай».

Начал он читать эту книгу; одну ночь читал — вышла из берёзы красная девица, красоты неописанной, по самые груди; другую ночь читал — вышла по пояс; третью ночь читал — совсем вышла. Поцеловала его и говорит: «Я — царская дочь; похитил меня нечистый и сделал берёзою. А три сокола — мои родные братья; хотели они меня выручить, да сами попались!» Только вымолвила царевна это слово, тотчас прилетели три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми молодцами. Тут все они собрались и поехали к отцу, к матери, и солдата с собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замуж царевну и оставили жить при себе.

ИЛЪЯ МҮРОМЕЦ И ЗМЕЙ

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был мужичок и с хозяйшкою. Живёт он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйкою: «Вот, хозяйка, довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить Бога, авось Господь нам создаст детище хотя бы напоследях, при старости». Стали просить Бога, и забрюхателя она, и время пришло — родила детище. Прошёл год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а дóлжно б ему ходить; восемнадцать годов прошло — всё без ног сидит. Вот пошёл отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенский братия и просит у него милостыньку: «Хозяинушка! Сотвори старичку Господню милостыньку Христа ради!» Вот он ему и говорит: «Старичок Господень, не могу я тебе подать милостыньку: я без ног». Вошёл старичок в избу. «Ну-тка, — говорит, — встань-ка с постели, дай мне ковшичек». Вот, взявши, дал ему ковшичек. «Поди, — говорит, — принеси мне водицы». Принёс ему воды и подаёт в ручки: «Извольте, старичок Господень!»

Вот он ему назад и отдаёт. «Выпей, — говорит, — в ковше всеё воду». Опять посылает он его за водою: «Опять сходи, принеси другой ковшик воды». Шедши он за водою, за которое дерево ни ухватится — из корню выдернет. Старичок Господень и спрашивает у него: «Слышишь ли теперь в себе силу?» — «Слышу, старичок Господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенную такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную». Как принёс он другой ковшик, старичок Господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будет, — говорит он, — с тебя и этой силы!» Помолился старичок Господень Богу и пошёл домой. «Оставайся, — говорит, — с Богом!»

Скучно ему лежать, и пошёл он копать в лес, свою силу пробовать. И ужаснулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идёт и отец с матерью с покосу. Что это такое? Лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу: «Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!» — «Дура, — говорит он, — не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!» И подошли к нему: «Ах, батюшка ты наш, как тебе Господь создал это?» Вот и говорит Илья: «Пришёл ко мне старичок Господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: «Старичок Господень, не могу я тебе милостыньку подать: я без ног». Вот он ко мне и пришёл в избу: «Ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек!» Встал я и дал ему ковшичек. «Поди, говорит, принеси мне водицы». Принёс

ему воды и подал в ручки. «Выпей, — говорит старичок, — в ковше всеё воду!» Выпил — и стала во мне сила великая!»

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою: «Вона какой он стал сильный, могучий богатырь! — называют этак мужики Илью. — Вишь он наделал какую кóпать! Надобно, — говорят, — в городе объявить про него». Вот узнал об нём и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался¹ он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем и служить стал хорошо. Вот и говорит государь: «Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец под угол?» — «Извольте, ваше царское величество! Хошь набок, как угодно подыму его». Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему очень, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё её иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю: «У меня есть такой сильный, могучий богатырь, он убьёт змея об двенадцати голов». Король и просит: «Пожалуйте — ко мне его пришлите». Вот как приехал он в своё государство и разговаривает с своей государыней: «У этакого-то короля повадился змей

¹ Понравился, полюбился.

об двенадцати глав летать к дочери, всё её извёл, иссосал». И говорит: «Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?» — «Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью».

Вот государь и говорит: «На почте поедешь и трахтами пойдёшь, так и так-то возьмёшь». — «Я верхом один поеду, пожалуйста мне жеребца». — «Войди в конюшню, — говорит ему государь, — выбирай любого». А дочь просит его в другой комнате: «Не ездите, Илья Иванович; вас убьёт змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить». Он и говорит: «Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье». Пошёл в конюшню жеребца себе выбирать; пришёл к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку — всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришёл к самому последнему жеребцу — так, в забросе стоял, — ударил его по спине рукой; он только заржал. И говорит Илья: «Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!» Приходит к государю: «Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного». Отпускают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора, и на ней всё песок; насилу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать — сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать — конь сыт, сам голоден; по третьей доро-

ге ехать — самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть — такой лес! А тут сделалась в лесу елань¹ такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка поворотилась, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это Баба-яга и говорит: «Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух хочу очьми видеть».

Вот, взявши, ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову. «Постой, Баба-яга! — говорит он. — Я с тобой поправлюсь». Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил её за волосы, ударил её и говорит: «Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения и куды еду». Вот она и спрашивает: «Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?» — «Меня зовут Илья Иванович, а еду туда-то». — «Пожалуйте, — говорит, — Илья Иванович, ко мне в горницу». Вот он и пошёл к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчевает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у неё сутки и

¹ Поляна в лесу.

собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит. «Извольте, — говорит Баба-яга, — я напишу письмо к сестрице, чтоб она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьёт, как завидит!» Отдаёт ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лес! И приезжает на елань — такая широкая елань, а на ней стоит избушка насладна. Подъезжает он к избушке, и слезает с добра коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это Баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала: «Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух очьми хочу видеть». Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблею по шее; он и говорит: «Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала». Она прочитала и принимает его с честью к себе в дом: «Пожалуйте ко мне в гости!» Идёт Илья Иванович. Она сажает его за стол и ставит на стол кушанья всякие, напитки и наедки¹ потчевает, а сама послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошёл выпарился в бане. Двое суток он у ней перестоял, сам отдохнул, и добрый конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью. «Ну, Илья Иванович, — говорит, — таперьча тебе не проехать;

¹ Сласти.

тут Соловей-разбойник ждёт, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесять вёрст — свистом оглушит!»

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что слышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит: «Не спотыкайся, добрый конь, уж послужи мне». Подъезжает к Соловью-разбойнику, он всё свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него — и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил одна¹, чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в торока² на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят: «Соловей-разбойник везёт кого-то в тороках!» Подъезжает богатырь ко дворцу и подаёт бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу: «Велите Соловью-разбойнику засвистать». А Соловей-разбойник говорит: «Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклись». Вот и принесли ему винца, а он говорит: «Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный». Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит: «Ещё бы Соловью-разбойничку две ведёрочки, так выпил бы!» — да уж не дали ему. И просит король: «Ну, прикажи, — говорит, — ему засвистать». Илья велел ему засвистать, а короля и

¹ Один раз.

² Торока — мешок, сума за седлом.

всю его фамилию¹ поставил к себе под руки, под мышки: «А то, — говорит, — он оглушит вас!» Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом — он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Ивановичу: «Послужишь ты мне вот этакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери вот летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?» — «Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно — всё сделаю». — «Пожалуйста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!» — «Извольте, ваше королевское величество!..» Лежит королевна в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб: ударил жезлом и расшиб её всю. Радёхонька же королевна встала, пришла к нему и его благодарила; положила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит: «Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня». — «Нет, — говорит, — я поеду в своё государство». Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой Бабеяге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. При-

¹ Семейю.

ехал в своё государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева насилу дождалася: «Ну, тятенька, извольте, я за него замуж пойду». Отец с ней воли не снял: «Ну, коли угодно, так поди!» Обвенчались и таперьча живут.

ЦАРИЦА-ГУСЛЯР

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в ту чужедальнюю землю, где жида Христа распяли. Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу. Долго ли, коротко ли — приехал в чужедальнюю землю, где жида Христа распяли; а в той земле правил тогда проклятый король. Увидел этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу. Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до вечера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттудова вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмецо. «Продавай, — пишет, — всё наше имение да приезжай выкупать меня из неволи».

Получила царица письмо, прочитала и восплакала: «Как мне выкупить царя? Если сама поеду — увидит меня проклятый король и возьмёт к себе заместо жены; если министров пошлю — на них надёжи нет!» И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказав-

шись, отправилась в путь-дорогу дальнюю. Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал — не наслушался. Король как услышал такую славную музыку, тотчас велел позвать гусяря во дворец. «Здравствуй, гусярь! Из какой земли ты, из которого царства?» — спрашивает король. Отвечает ему гусярь: «Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю, да тем свою голову кормлю». — «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу». Гусярь остался; день-деньской перед королём играет, а тот всё досыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гусярь у короля три дня и приходит прощаться. «Что ж тебе за труды пожаловать?» — спрашивает король. «А пожалуй, государь, мне единого невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить». — «Изволь, выбирай себе любого!» — сказал король и повёл гусяря в темницу. Гусярь оглянул заключённых, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать. Подходят к своему государству, царь и говорит: «Отпусти меня, добрый человек! Я ведь — не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь, бери выкуп: ни денег, ни крестьян не пожалею». — «Ступай с Богом, — говорит гусярь, — мне твоего ничего не надо». — «Ну, хоть в гости ко мне зайди». — «Будет время — побываю». Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольною дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гусярское платье и нарядилась, как быть следует. Через час времени закричали, забежали по дворцу придворные: царь пришёл! Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здоровается, а на неё и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит: «Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб всё добро продавала да меня выкупала — небось ничего не сделала. О чём же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрылася и всё это время пропадала; во дворец только сегодня явилась».

Царь сильно разгневался и приказывает: «Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Где она по белу свету таскалася? Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусляр; за него стану Бога молить, ему половину царства не пожалею отдать». Тем временем царица успела нарядиться гусляром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услышал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным: «Вот этот гусляр, что меня из неволи выручил!» Гусляр сбросил с себя верхнюю одежду — и все тотчас узнали царицу. Тут царь возрадовался; начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.

РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

В некотором королевстве жил-был король; у этого короля была дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королевна, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королевну без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Померла королевна, положили её в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» — «Есть, ваше величество». — «Пусть, — говорит, — читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготавиться.

Утром пошёл попович учиться и сидит над книгою такой скучный. «О чём запечалился?» — спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» — «Да что с тобой? Говори толком». — «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!» — «Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придёшь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись — знай своё, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадёшь!» Вечером пришёл мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробило двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королевна встала, выбежала и закричала: «А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что ни делала — он всё читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королевна в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоился, до самого света безостановочно читал, а поутру пошёл к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» — «Видел, бабушка!» — «Нынче ещё страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырём углам гроба, а как станешь псалтырь читать — молоток против себя поставь». Вечером пришёл попович в церковь и сделал

всё так, как научила старушка. Пробило двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить поповичу; то напускала большие страсти, а теперь ещё больше: чудится поповскому сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало — всё наваждение сгинуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. «Что такое?» — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть её в землю, а поповича наградил казною и разными угодами.

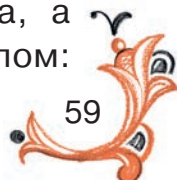

ФОМА БЕРЕННИКОВ

Жила-была старуха, у неё был кривой сын Фома Беренников. Вот поехал Фома пахать; лошадёнка худенькая, взяло его горе, сел на завалинку... мухи около навоза так и жужжат. Схватил он хворостину, да как хлыснет по куче, стал считать: сколько побил? Насчитал пятьсот, да ещё много без счёту осталось. Решил Фома, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нём сидит двенадцать оводов; он всех и побил. Воротился Фома Беренников к матери и просит у ней благословенья великого: «Побил, дескать, мелкой силы — счёту нет, да двенадцать могучих богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать — не моё дело богатырское, то дело мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские. Берёт он за плечи тупой серп, за пояс лычный кошель, а в тот кошель кладёт тупой косарь.

Вот едет Фома путём-дорогою, стороною незнакомою, и наехал на столб; пишет он на том столбе — не было у него в кармане ни злата, ни серебра, а случился в кармане мел — вот и пишет он мелом:

«Проехал здесь богатырь Фома Беренников, который сразу побивает двенадцать могучих богатырей, да опричь того силу несметную». Написал и поехал дальше. Едет той же дорогою Илья Муромец, подъезжает к столбу, видит надпись и говорит: «Видна попрыска¹ богатырская; не тратит ни злата, ни серебра, один мел!» Написал он серебром: «Вслед за Фомою Беренниковым проехал богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фому Беренникова и говорит (устрашился, зная, тоё надписи меляныя): «Могучий богатырь Фома Беренников! Где ехать: спереди или сзади?» — «Ступай сзади!» — отвечает Фома.

Вот едет той же дорогою Алёша Попович млад; наезжает он на тот столб, издавеча видит на том столбе надпись — как жар горит! Прочитал надписи Фомы Беренникова да Ильи Муромца, вынимает из кармана чисто золото и пишет: «За Ильёю Муромцем проехал Алёша Попович млад». Наезжает он Илью Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?» — «Не меня испроси, а мово брата старшего Фому Беренникова». Подъехал Алёша Попович млад к Фоме Беренникову: «Удалой боец Фома Беренников! Где укажешь ехать Алёше Поповичу?» — «Ступай сзади!»

Вот едут они путём-дорогою, стороною незнакомою; приезжают они в зелёны сады. Илья Муромец и Алёша Попович раскидывают белы шатры, а Фома Беренников свои портки. А те сады были самого царя,

¹ След.

царя прусского, и воевал того царя король китайский с шестью могучими богатырями. Посылает царь прусский грамотку к Фоме Беренникову, а в той грамотке значится: «Воюет меня, царя прусского, король китайский; не будет ли ваша помощь?» Фомка грамоте не больно разумел, посмотрел на грамотку, покачал головою и говорит: «Хорошо!»

Вот подступает король китайский близко к городу; приходят Илья Муромец и Алёша Попович млад к Фоме Беренникову и говорят таково слово: «Подъезжают под царя, к самому городу; надо его защитить. Сам пойдёшь или нас пошлёшь?» — «Ступай ты, Ильюшка Муромец!» Побил Илья Муромец всех. А после того приводит король китайский ещё шесть богатырей и рать-силу несметную. Илья Муромец с Алёшей Поповичем приходят к Фомке Беренникову: «Ты скажи, скажи, Фома Беренников, сам пойдёшь или нас пошлёшь?» — «Ступай ты, брат, Алёшка Попович млад!» Поехал Алёша Попович млад и побил всю рать-силу несметную и тех шесть могучих богатырей. Говорит китайский король: «Есть у меня ещё один богатырь, берёг его на племя; пушу и его теперь!»

Вот приводит он рать-силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного, и говорит король своему богатырю: «Не силой бьёт нас русский богатырь, а хитростью; что станет делать русский богатырь, то и ты делай!» Приезжают Илья Муромец да Алёша Попович млад к Фомке Беренникову: «Сам пойдёшь или нас пошлёшь?» — «Сам пойду; приведи моего коня». Кони богатырские по чисту полю ходят, травку щип-

лют, а Фомкин стоит да овёс уплетает. Подошёл Илья Муромец к Фомкину коню, а тот разъялся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью Муромца, схватил он коня Фомкина за хвост, да и кинул его через плетень. Молвил ему Алёша Попович млад: «Не увидел бы нас Фома Беренников! Задаст он нам жару!» — «Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу!» — говорит Илья Муромец и подводит тоё клячу к Фомке Беренникову. Фомка садится на лошадь, а сам думает: «Пусть убьют! Сраму не будет». Едет он, пригнулся к коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайский, помня королевский наказ, и сам к коню пригнулся да зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень и давай точить серп; китайский богатырь и себе тож: слезает с могуча коня и точит свой меч. Видит он, что Фомка Беренников на один глаз крив, думает про себя: «Он один глаз прищурил; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!»

Не успел он зажмурить, как Фомка Беренников отсёк ему голову. Берёт он его коня богатырского, хочет на него сесть, да не влезет. Привязал Фомка сильномогучего коня к столетнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнул на коня верхом. Почуял конь седока, как рванётся — и вырвал дуб с корнем вон; летит во всю мочь богатырскую и волочит за собою громадный дуб. Фома Беренников кричит: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русского языка не знают, побежали с испугу врозь; богатырский конь их ногами топчет да столетним дубом бьёт; всех перебил до единого! Вот и пишет китайский король к Фомке Бе-

ренникову грамотку: «Никогда не буду с тобой воевать». А Фомке то и надобно! И дивуются Илья Муромец и Алёшка Попович млад тому Фомке Беренникову.

Вот едет Фома к царю прусскому. «Чем тебя жаловать? — спрашивает царь. — Бери казны золотой сколько надобно, или полцарства моего белого, или царевну прекрасную». — «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньших моих братьев Илью Муромца да Алёшу Поповича млад». И женился Фома Беренников на прекрасной царевне. Видно, не одним богатырям бывает удача! Кто накричит о себе больше, тому и лучше.

СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марко — скупей его не было! Раз как-то пошёл он гулять; идучи дорогою, увидел нищего: сидит старец и просит милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марко Богатый прошёл мимо. Следом за ним шёл на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику: «Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!» Мужик дал ему и спрашивает: «А когда за долгом приходить?» — «Завтра приходи!» На другой день бедный идёт к богатому за своей копеечкою. Пришёл на его широкий двор: «Что, Марко Богатый дома?» — «Дома! Тебе что надо?» — спрашивает Марко. «За копеечкой пришёл». — «Ах, брат, приди после; ну, право, мелких нет». Бедный поклонился и назад. «Я, — говорит, — приду завтра». Наутро приходит — опять то же: «Мелких денег вовсе нет, коли хочешь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели». Через две недели снова идёт бедный к богатому, а Марко Богатый увидал его в окно и

говорит жене: «Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь, словно над мёртвым. Когда придёт мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер».

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горячими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает: «Тебе что?» — «За должком к Марку Богатому», — отвечает бедный. «Ну, мужичок, Марко Богатый приказал долго жить; сейчас только помер». — «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грешное тело обмою». С этим словом ухватил чугун с горячей водою и давай Марка Богатого кипятком ошпаривать. Марко еле терпит, морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай не дрыгай, а копейку подай!» — говорит бедный. Обмыл, снарядил как надо. «Ну, хозяйка, покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать». Положили Марка Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила тёмная ночь. Вдруг открывается окно и лезут в церковь вору-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Вору-разбойники и начали меж собой добычу делить; всё поделили, остается золотая сабля — всякий к себе тащит, никто не уступает. Бедный как выскочит, как закричит: «Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!» Марко Богатый вскочил сам не свой. Вору-разбойники испугались, побросали свою казну и кинулись бежать. «Ну, мужичок, — говорит Марко, — давай деньги делить». Разделили поров-

ну; много досталось и тому и другому. «Что ж копеечку?» — спрашивает бедный. «Эх, брат, сам видишь — мелких нет!» Так-таки и не отдал Марко Богатый копейки.

ПОВЕСТЬ О ЁРШЕ ЁРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Пришёл Лещ, на Ерша подал челобитну, а в челобитной пишет тако: «Господам моим от рыб великому Осётру и Белуге и Белой рыбице. Бьём челом на лихого Ерша, что он владеет насильством нашими вотчинами. Собою он мал, а щетины у него как острые рогатины, и где он ни попросится ночевать и кто его не ведаючи пустит, — и он хочет хозяина вон выжить. А мы хотим быть оправлены вами, праведными судиями». Судья спросил Леща: «Чем, Лещ, Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы дóбры, зовут их Сиг и Ладога, на них я шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлѣшься ли ты на Сига и на Ладогу?» Ёрш сказал: «Сиг и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малые; а се они с Лещом хлеб-соль водят вместе, и они правды не скажут». Судьи спросили Леща: «Ещё чем Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его общею правдою, да есть у меня ещё рыба добрая, зовут её Сельдь переславская; на ту я ещё шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлѣшься ли ты на общую правду —

Сельдь?» Ёрш сказал: «То общая правда; на ту и я шлюся».

Судьи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошёл, взял в понятия Сомы, и Сом с большим усом сказал, что-де я в понятия не гоюсь, имею брюхо велико, ходить не могу, глазами вдоль не вижу. И Окунь отпустил Сому и взял в понятия Язя, и поставили Сельдь перед судьями. Судьи спросили Сельдь: «Чьё Ростовское озеро, истари ли Ершово? и знают ли Ерша на Москве все богатые, покупают ли его для похмелья дорогою ценою и с похмелья им оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро истари Лещёво, а тот-де Ёрш где ни попросится ночевать, кто его не ведаючи пустит, — и он хочет хозяина выжить, а знают его все богатые, у кого одна полушка есть, — и на ту ершов много купит: столько не съедят, сколько расплюют его! Судьи приговорили: истца Леща оправить, а ответчика Ерша обвинить, и в соль осолить, и против солнышка повесить. И как Ёрш сие услышал, вильнул хвостом, ушёл в хворост: только Ерша и видели! И всему тому конец.

Послали миром Першу заложить вершу; пришёл Богдан, Ерша бог дал; пришёл Устин, опять Ерша упустил; пришёл Иван, опять Ерша поймал; пришёл Потап, стал Ерша топтать; пришёл Давид, стал Ерша давить; пришёл сусед, бросил Ерша в сусек; пришёл Лазарь, по Ерша слазил; пришёл Назар, понёс Ерша на базар: недорог! Пришёл Константин, даёт за Ерша шесть алтын: уступи, Назар! Пришёл Мартын, даёт

Константину барыша алтын; пришёл Анос и даром Ерша унёс; пришёл Копрон, сустиг на коне; пришёл Павел, котёл поставил; пришёл Ерема, принёс дров беремья; пришёл Селиван, воды в котёл наливал; пришёл Обросим, Ерша в котёл бросил: пусть попреет, к ужину поспеет! Пришёл Перша, насыпал перцу; пришёл Лука, покрошил луку; пришёл Савва, положил полтора пуда коровьего сала; пришёл Глеб, принёс хлеб; пришёл Пахом, хлеба напахал; пришёл Логин, принёс ложек; пришёл Вавила, поднял Ерша на вила; пришёл Филипп, стал Ерша пилить; пришёл Демид, стал Ерша делить; пришёл Мина, мякнул Демида в рыло; пришёл Тит, только походя бз...; пришел Андрей, Тита по плещи огрел; пришёл Яков один Ерша смякал, сам убежал, только ножки показал! Пришёл Елизар, только котла полизал, а Ерша и в глаза не видал; пришёл Данила да сестра его Ненила, только по Ерше голосом повыли и конец ему сотворили.

СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошадёнка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трёх слепней, а комаров без счёта. Простачок-мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трёх молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь — и Голь взвеличался, выпряг свою лошадёнку, взобрался на неё полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трёх богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплёлся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал — подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивал, а видно, мо-

гуч богатырь, так надобно с ним подружиться. Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает: «Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?» — «Я, — сказал Голь, — а ты кто?» — «Чурила Пленкович», — отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится». — «Ступай в науку, поезжай по левую руку!» — сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря посматривая и на клячу поглядывая. Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Голя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился. «Погоняй в ряду по правую руку!» — сказал ему Голь. На ту пору нагоняет их ещё богатырь, Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова королевин сын Голю да об имени спрашивал. «Голь Воянской, сам себе большой, — отвечал простачок, — а ты кто?» — «Я Бова королевин сын», — отвечал богатырь. «Милости просим на подвиги, — сказал Голь, — ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!»

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки. «Тут заказан

путь», — сказал Еруслан. «Не беда! — молвил Голь. — Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!» — «Голь Воянской! — сказал Еруслан. — У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат». — «С меня мало, — сказал Голь, — будет ли на долю твою? Я всех, как мух, перебью». — «Ну, ин быть так! — сказал Еруслан. — Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаваться». Вьезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатёр, пустили коней на траву, а сами вошли в шатёр, сели да поглядывают; один Голь лёг отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатёр от солнышка, а сам захрапел. «Голь надеется на себя!» — сказал Бова королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя: «Вставай! Силы много на нас». Голь встал и, спросонья зевая, сказал: «Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары: не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурила, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!» Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя. «Эге! — сказал Голь. — Что за сила? Одной рукой махнуть — пришибу! Королевин сын! Поди справься один, да оставь одного послать к коро-

левне». Сказав, пошёл спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались. Но королева высылает ещё более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут. «Ого, сколько высыпало! — сказал Голь, вставая. — Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счёта. Еруслан! Будет с тебя? А не то — мы пособим». Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит — вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королева видит беду неминуемую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант как стрела на орла, зовёт как трубой перевестись в бой. «Видно, мне очередь!» — сказал Голь. «Нечего делать, — подумал он, — ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурил глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» — и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошадёнки, которая бежала на трёх ногах, а четвёртой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? — думал он. — Мужичонка прилёг к лошадёнке, — что за богатырь? Пальцем щёлкнуть — на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь

приподнял голову и вдруг прибодрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдёрнул шелом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит: «Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала». Тут она Голю руку пожала; Голь вспрыгнул, и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать. «Защищай моё царство! — королевна сказала. — Тебе нас стеречь». А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь. Королевна велела в беседу принести крепкого мёду, думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил: «Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!» — «У нас есть в запас вода богатырская», — сказала королевна. «А много ль её?» — спросил Голь. «Бутыль полна», — отвечала королевна. «Да такая ль она, как у нас? — спросил Голь. — Иная бутыль склянки не стоит». — «Отведай», — сказала королевна и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой. Голь налил ковш, выпил, сила в нём прибывала, а королевна знать желала, какова вода. «Ещё вкуса не доберусь», — сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил ещё три ковша. «Пол-

но, полно! — закричала королевна. — Ты и мне воды не оставишь». — «Славная водица! — молвил Голь, расходясь, руками размахивая. — Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принести большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлёю, из конюшни королевниной вывести коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королевне женился; от ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь, на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трёх богатырей одним разом.

ПРАВДА И КРИВДА

днажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить — кривдой али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили, спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда: «Пойдём к писарю, он нас рассудит!» — «Пойдём», — отвечает Правда.

Вот пришли к писарю. «Реши наш спор,— говорит Кривда, — чем лучше жить — кривдою али правдою?» Писарь спросил: «О чём вы бьётеся?» — «О ста рублях». — «Ну ты, Правда, проспорила; в наше время лучше жить кривдою».

Правда вынула из кармана сто рублей и отдала Кривде, а сама всё стоит на своём, что лучше жить правдою. «Пойдём к судье, как он решит? — говорит Кривда. — Коли по-твоему — я тебе плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мне должна оба глаза отдать». — «Хорошо, пойдём». Пришли они к судье, стали спрашивать: чем лучше жить? Судья сказал то же самое: «В наше время лучше жить кривдою». — «Подавай-ка свои глаза!» — говорит Кривда Правде; выколола у ней глаза и ушла куда знала.

Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла в траве. В самую полночь собралась туда неверная сила. Набольшой стал всех спрашивать: кто и что сделал? Кто говорит: я душу загубил; кто говорит: я того-то на грех смустил; а Кривда в свой черёд похваляется: «Я у Правды сто рублей выпорила да глаза выколола!» — «Что глаза! — говорит набольшой. — Стоит потереть тутошней травкою — глаза опять будут!» Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи, и неверная сила разом пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потёрла один, потёрла другой — и стала видеть по-прежнему; захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу. В это время у одного царя ослепла дочь, и сделал он клич: кто вылечит царевну, за того отдаст её замуж. Правда приложила ей к очам травку, потёрла и вылечила; царь обрадовался, женил Правду на своей дочери и взял к себе в дом...

ИВАН-ЦАРЁВИЧ И МАРФА-ЦАРЁВНА

У одного царя много лет содержался мужичок руки железны, голова чугуна, сам медный, хитрец был, важный человек. Сын царю¹ Иван-царевич был маленький, ходил мимо тюрьмы. Этот старик подкликал его к себе и взмолился ему: «Дай, пожалуйста, Иван-царевич, напиться!» Иван-царевич ещё ничего не знал — был маленький, почерпнул воды и подал ему: старика с этого в тюрьме не стало, ушёл. Дошла эта вестъ и до царя. Царь приказал Ивана-царевича за это дело выгнать из царства. Царское слово — закон: Ивана-царевича выгнали из царства; пошёл он куда глаза глядят. Шёл долго; наконец приходит в другое царство прямо к царю, просится в службу. Царь его принял, приказал сделать конюхом. Он только спит на конюшне, а за конями не ходит; конюшенный староста не однажды бил его. Иван-царевич всё терпел. Какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну. Этот царь ушёл с войсками, а царством осталась править дочь

¹ Вместо: царский.

его Марфа-царевна. Она и прежде замечала Ивана-царевича, что он не простого роду; за то и послала его в какое-то место губернатором.

Иван-царевич уехал, живёт там, правит делом. Один раз поехал он на охоту; только выехал за жило¹ — неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный: «А, здравствуй, Иван-царевич!» Иван-царевич ему поклонился. Старик зовёт его: «Поедем, — говорит, — ко мне в гости». Поехали. Старичок ввёл его в богатый дом, крикнул малой дочери: «Эй, давай-ка нам пить и есть, да и полуведёрную чашу вина!» Закусили; вдруг дочь приносит полуведёрную чашу вина и подносит Ивану-царевичу. Он отказывается, говорит: «Мне не выпить!» Старик велит браться; взял чашу, и откуда у него сила взялася — на один дух так и выпил это вино!

Потом старик созвал его разгуляться; дошли до камня в пятьсот пудов. Старик говорит: «Поднимай этот камень, Иван-царевич!» Он думает себе: «Где мне поднять такой камень! Однако попробую». Взял и легко перекинул; сам опять и думает: «Откуда же у меня берётся сила? Небось этот старик в вине её мне подаёт». Походили сколько времени и пошли в дом. Приходят: старик средней дочери крикнул ведро вина принести. Иван-царевич смело взялся за чашу вина, выпил на один дух. Опять пошли разгуляться, дошли до камня в тысячу пудов. Старик говорит Ивану-царевичу: «Ну-ка, переметни этот камень!» Иван-царевич

¹ За деревню или город, т. е. в поле.

тотчас схватил камень и бросил и думает себе: «Эка сила хочет во мне быть!»

Воротились опять в дом, и опять старик крикнул большой дочери принести полтора ведра чару зеленá вина. Иван-царевич и это выпил на один дух. Пошли со стариком разгуляться. Иван-царевич легонько метнул камень в полторы тысячи пудов. Тогда старик дал ему скатёртку-самовёртку и говорит: «Ну, Иван-царевич, в тебе теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели переделать, тебя оно не станет поднимать; стулья надо другие же; под полы можно наставить чаще подстоек¹. Ступай с Богом!» Все люди засмеялись, как увидели, что губернатор с охоты идёт пешком, а лошадь ведёт в поводу. Он пришёл домой; под полы велел наставить стоек, стулья все переделали, стряпок², горничных прогнал, один себе живёт, как пустынный. И все дивятся, как живёт он голодом; никто ему не стряпает! Даром что его питает скатёртка-самовёртка.

В гости ходить ни к кому он не стал, да и как ходить? Ничего его не поднимало в домах.

Царь между тем с походу воротился, узнал, что Иван-царевич живёт губернатором, приказал его сменить и сделать опять конюхом. Нечего делать — Иван-царевич стал жить конюхом. Один раз конюшенный староста стал его куда-то наряжать, да и ударил; Иван-царевич не стерпел, как схватил его сам, так голову и отшиб. Дошло дело это до царя; привели Ива-

¹ Подставок.

² Стряпка — кухарка, стряпать — готовить кушанье.

на-царевича. «Почто ты ушиб старосту?» — спросил царь. «Он сам наперёд ударил меня; я не шибко¹ и отплатил ему, да как-то по голове: голова и отпала». Другие конюхи сказали то же — задел наперёд староста, а Иван-царевич ударил его не шибко. Ничего не сделали с Иваном-царевичем, только сменили из конюхов в солдаты; он и тут начал жить.

Не чрез долгое времени приходит к царю мужичок сам с ноготь, борода с локоть и подаёт письмо за тремя чёрными печатями от Водяного царя; тут написано: ежели царь в такой-то день и на такой-то остров не привезёт дочь свою Марфу-царевну заму́ж² за сына Водяного царя, то он людей всех при́бьёт и всё царство огнём сожгёт; а за Марфой-царевной будет трёхглавый змий. Царь прочитал это письмо, подал от себя другой ответ к Водяному царю, что дочь отдать согласен; проводил старика и созвал сенаторов и думных дьяков думу думать, как отстоять дочь от трёхглавого змия? Ежели не послать её на остров, то всему царству от Водяного царя будет смерть. Кликнули клич, не выищется ли такой человек, который бы взялся выручать от змия Марфу-царевну? За того её царь и заму́ж отдаст.

Нашёлся какой-то подде́ргайко³, взял роту солдат, повёз Марфу-царевну; привозит на остров, оставил её в хижине, а сам остался дожидаться змия на улице.

¹ Шибко — крепко.

² Замужество.

³ Выскочка; поддерживать — намекать с укоризною на чей-либо счёт, обиняками унижать или осмеивать.

Между тем Иван-царевич узнал, что Марфу-царевну увезли к Водяному царю, собрался и поехал на остров; пришёл в хижину, Марфа-царевна плачет. «Не плачь, царевна! — сказал он ей. — Бог милостив!» Сам лёг на лавку, голову положил на колена Марфе-царевне и уснул. Вдруг змий и начал выходить, воды за ним хлынуло на три аршина. Барин с солдатами стоял тут; как начала вода прибывать, он и скомандовал им: «Марш на лес!» Солдаты все сбились на лес. Змий вышел и идёт прямо в хижину. Марфа-царевна увидела, что змий идёт за ней, начала Ивана-царевича будить; тот соскочил, на один раз отсёк все три головы у змия, а сам ушёл. Барин повёз Марфу-царевну домой к отцу.

Не чрез много времени старик сам с ноготь, борода с локоть выходит опять из воды и несёт от Водяного царя письмо за шести чёрными печатями, чтобы царь привёз дочь на тот же остров шестиглавному змию; а ежели он не отдаст Марфу-царевну, то Водяной царь грозился всё царство потопить. Царь отписал опять, что согласен отдать Марфу-царевну. Маленький старичонко ушёл. Царь начал кликать клич; послали везде бумаги: не найдётся ли такой человек, который бы избавил Марфу-царевну от змия? Тот же барин опять явился, говорит: «Я, ваше царско величество, избавлю; только дайте роту солдат». — «Да больше не надо ли? Теперь змий о шести главах». — «Будет¹. Мне и этого много».

¹ Довольно.

Собрались все, повезли Марфу-царевну; а Иван-царевич узнал, что Марфа-царевна опять в напасти, за добродетель её, что его сделала губернатором, пошёл туда ли, поехал ли; так же застал Марфу-царевну в хижине, входит к ней. Она уж ждёт его; только увидела — обрадовалась. Он лёг и уснул. Вдруг шестиглавый змий и начал выходить; воды хлынуло на шесть аршин. Барин с солдатами ещё сперва¹ сидел на лесу². Змий вошёл в хижину, Марфа-царевна разбудила Ивана-царевича; вот они схватились, бились-бились, Иван-царевич отсёк змию голову, другú, третью, и все шесть, и сбросал их в воду, а сам будто ни в чём не бывал — пошёл. Барин с солдатами слез с лесу, поехал домой, доносит царю, что Бог помог отстоять Марфу-царевну; и её, видно, настрашал чем-то этот барин: она не смела сказать, что не он отстаивал её. Барин стал приступить, чтобы сделали свадьбу. Марфа-царевна велит подождать. «Дайте,— говорит,— мне поправиться со страху; я и то вон как напугалась!»

Вдруг опять тот же старик сам с ноготь, борода с локоть выходит из воды и несёт письмо с девяти чёрными печатями, чтобы царь немедленно послал Марфу-царевну на такой-то остров и в такой-то день к девятиглавому змию, а ежели не пошлёт, то всё его царство будет потоплено. Царь опять отписал, что согласен; сам начал искать такого человека, какой бы избавил царевну от девятиглавого змия. Тот же барин

¹ Прежде.

² На дереве.

опять выискался и поехал с ротой солдат и с Марфой-царевной.

Иван-царевич услышал это, собрался и отправился туда же, а Марфа-царевна там ждёт уж его. Он пришёл; она обрадовалась, стала его спрашивать, какого он роду, кто такой, как зовут? Он ничего не сказал, лёг и уснул. Вот девятиглавый змий и начал выходить, воды поднял на себе на девять аршин. Барин опять скомандовал солдатам: «Марш на лес!» Залезли. Марфа-царевна будит Ивана-царевича, не может разбудить; змий уж близко у порогу! Она слёзно заплакала; Ивана-царевича разбудить всё не может. Змий уж подползает, только схватить Ивана-царевича! Он всё спит. У Марфы-царевны был ножичек перочинный; она им и резнула по щеке Ивана-царевича. Он проснулся, соскочил, схватился со змием биться-барахтаться. Вот змий начал издолять¹ Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугуна, сам медный, схватил змия; отсекли двоймя ему все головы, сбросали в воду и ушли. Барин пуще² того обрадовался; соскакали с лесу, отправились в своё царство, и он неотступно стал просить царя сделать свадьбу. Марфа-царевна отказывалась: «Подождите немного да дайте мне оправиться; я и то вон как испугалась!»

Старичок сам с ноготок, борода с локоток опять принёс письмо. Водяной царь требует виноватого. Барину и не хотелось было ехать к Водяному царю, да

¹ Одолевать.

² Пуще — больше, сильнее.

нечего делать — послали. Снарядили корабль и отправились (а Иван-царевич тут на флоте служил, как-то попал тут же на корабль); плывут. Вдруг навстречу им корабль — как птица летит, только и кричат: «Виноватого, виноватого!» — и пробежал мимо. Немного отплыли, другой корабль навстречу, и опять кричат: «Виноватого, виноватого!» Иван-царевич указал на барина; уж они его били-били — до полусмерти! Проехали.

Вот приезжают они к Водяному царю. Водяной царь приказал натопить докрасна чугуны ли, железу ли баню и виноватого посадить туда. Барин перепугался, душа в пятки ушла! Смертонька приходит! А у Ивана-царевича остался с тех кораблей¹ какой-то человек, увидел, что Иван-царевич не простого рода, и стал у него служить. Иван-царевич и послал его: «Ступай, просиди в бане». Тот сейчас сбегал; ему — дьявол то и есть — ничего там не делается, прибежал обратно невредим. Виноватого опять потребовали, теперь уж к самому Водяному царю; барина увели. Уж его ругал-ругал, бил-бил Водяной царь и велел прогнать. Поехали обратно.

Барин дома пуще ещё стал гордиться и не отходит от царя, приступает, чтобы сделал свадьбу. Царь просватал; назначили день, когда быть свадьбе. Барин — где поднялся! Рукой не достанешь! Никто близко не подходи! А царевна говорит отцу: «Батюшка! Вели собрать всех солдат; я хочу смотреть их». Тотчас

¹ Что повстречались с кораблём Водяного царя.

солдат собрали. Марфа-царевна и пошла, всех обошла и доходит до Ивана-царевича, взглянула на щёку и видит рубец, как она ножичком его резнула; берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт к отцу: «Вот, батюшка, кто меня избавил от змиев; я не знала — кто он, а теперь узнала по рубцу на щеке. Барин-от сидел с солдатами на лесу!» Тут же солдат тех спросили: сидели ли они на лесу? Они сказали: «Правда, ваше царско величество! Барин был еле жив, не годен!» Того разу его разжаловали и послали в ссылку; а Иван-царевич обвенчался на Марфе-царевне, стал жить да быть и хлеб жевать.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо — в чёрной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «Кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц¹, разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идёшь?» — «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сде-

¹ Лепёшки.

лает летучий корабль». — «Разве ты можешь сделать такой корабль?» — «Нет, не сумею!» — «Так зачем же ты идёшь?» — «А Бог его знает!» — «Ну, если так, — сказал старик, — то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». — «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» — «Ничего, вынимай; что Бог дал — то и поснедаем!» Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, — сказал ему старик, — как Бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён... Давай же выпьем наперёд горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тукнул по дереву секирою¹, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него — и корабль полетел по воздуху.

¹ Топором.

Летел-летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» — «Здоров, небоже». — «Что ты делаешь?» — «Слушаю, что на том свете делается». — «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» — «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» — «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что — неизвестно. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». — «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» — «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь — несёт человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идёшь?» — «Иду, — говорит, — добывать хлеба на обед». — «Да у тебя и так полон мешок за спиною». — «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». — «Садись-ка с нами!» Обьедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду». — «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?» — «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». — «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — идёт человек в лес, а за плечами

вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова не сёшь?» — «Да это не простые дрова». — «А какие же?» — «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». — «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — человек несёт куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда не сёшь солому?» — «В село». — «Разве в селе-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её — так зараз холодно сделается: снег да мороз!» — «Садись и ты с нами!» — «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нём всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё черные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед закончится, целующей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» — «Не бойся, — сказал ему скороход, — я

за тебя справлюсь». Пришёл слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» — отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целющей и живущей воды: «Успею, — думает, — воротиться!» — присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» — «Не бойся, — отвечает Обьедало, — мне ещё мало будет!» Пришёл слуга, явил царский указ. «Хорошо, — сказал дурень, — давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Обьедало один всё поел. «Эх, — говорит, — мало! Еще б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах

за раз выпить». — «Не бойся, — говорит Опивало, — я один за всех выпью; ещё мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Ещё б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». — «Эх ты! — отозвался мужик с вязанкою дров. — А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска». — «Добре, зрблю! Только если царь и пос-

ле того станет отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нём души не чаяла.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

коло Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмёт девку да и съест её. Пришёл черёд идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил её к себе в берлогу, а есть её не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит брёвнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ ещё принесёт. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живёт в городе Киеве Кожемяка — тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошёл просить его, чтобы освободил

его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришёл сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошёл супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слёзы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шёл он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слёзы глядя. Взял триста пуд пеньки, насмолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошёл на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». — «Хорошо,— сказал Кожемяка, — надо межу проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в неё змея, да и стал от Киева межу пропахивать; Никита провёл борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай

море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Въехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом её пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, — называет её валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошёл опять кожи мять.

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЁРТ

 тпросился солдат в отпуск, собрался и пошёл в поход. Шёл-шёл, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать — потащился дальше; глядь — бежит ручеек, подошёл к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была ещё у солдата скрипка; в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмись — приходит к нему нечистый в виде старца, с книгою в руках. «Здравствуй, господин служба!» — «Здорово, добрый человек!» Чёрт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком. «Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку». — «Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!» — «Ничего, служивый! У меня такая книга — кто ни посмотрит, всякий прочитать сумеет!» — «А ну дай — попробую!»

Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится — нет в его игре никакого ладу. «Слушай, брат,— говорит он солдату,— оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть; спасибо тебе скажу!» — «Нет, старик, — отвечает солдат, — мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду». — «Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю — на почтовой тройке довезу». Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья — хочет закусывать. «Эх, брат служивый, — говорит нечистый, — плохая твоя еда; покушай-ка моей!» Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь — не хочу!

Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; чёрт выводит его из своих хором — перед крыльцом стоит тройка добрых коней. «Садись, служивый! Мигом довезу». Солдат сел с чёртом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли — только вёрсты в глазах мелькают! Духом довезли. «А что, узнаёшь эту деревню?» — спрашивает нечистый. «Как же не узнать! — отвечает солдат. — Ведь в этой деревне я родился и вырос». — «Ну, прощай!» Солдат слез с повозки, пришёл к сродственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из

полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуска давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдёт! Вышел за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полк идти — так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, славно ты подшутил надо мною». Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут. «Не кручинься, служивый! Оставайся со мной — ведь у вас в полку житьё незавидное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?» — «Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!» Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит: «Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану её всячески мучить!»

Живёт наш купец, ни о чём не тужит; счастье само так и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать. «Давайте-ка, — говорят, — его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил — чтоб ему пусто было!» Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им: «Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра — всё узнаете». Купцы разошлись по домам; а

солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал-думал и решился бросить свою лавку и уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошёл в тридешатое государство.

Шёл-шёл и приходит на заставу. «Что за человек?» — спрашивает его часовой. Он отвечает: «Я — лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу её вылечить». Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата: «Коли ты вылечишь мою дочь, отдам её за тебя замуж». — «Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого». — «Хорошо, всё будет готово!» Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошёл к королевне; зажёл в её горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

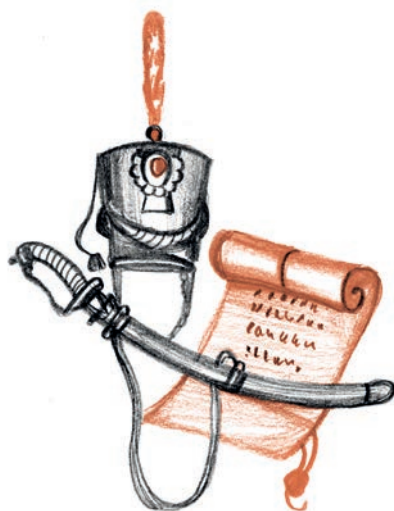
В полночь приходит нечистый, услышал музыку и бросился к солдату: «Здравствуй, брат!» — «Здорóво!» — «Что ты пьёшь?» — «Квасок потягиваю». — «Дай-ка мне!» — «Изволь!» — и поднёс ему полный стакан горячего спирту; чёрт выпил — и глаза под лоб закатил: «Эх, крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь». — «Вот орехи, бери да закусывай!» — говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает. Чёрт грыз-грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да сё — время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королевну: «Каково ночь спала?» — «Слава Богу, спокой-

но!» И другая ночь так же прошла; а к третьей ночи просит солдат короля: «Ваше величество! Прикажите в пятьдесят пуд клещи сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных». — «Хорошо, всё будет сделано!»

В глухую полночь является нечистый. «Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришёл». — «Здравствуй! Кто не рад весёлому товарищу!» Начали пить-гулять. Нечистый увидел клещи и спрашивает: «А это что такое?» — «Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые — не лучше твоих, надо в клещах выправлять». — «Ах, братец, — стал просить нечистый, — нельзя ли и мне выправить пальцы? А то до сей поры не умею на скрипке играть». — «Отчего нельзя? Клади сюда пальцы». Чёрт вложил обе руки в клещи; солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьёт да приговаривает: «Вот тебе купечество!» Чёрт молит, чёрт просит: «Отпусти, пожалуй! За тридцать вёрст не подойду к дворцу!» А он знай бичует. Прыгал-прыгал чёрт, вертелся-вертелся, насилиу вырвался и говорит солдату: «Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдёшь! Только отъедешь за тридцать вёрст от города — сейчас захвачу тебя!» Сказал и исчез.

Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии, а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король с своею женою в сад погулять. «Ах, какой славный сад!» — говорит он. «Это

что за сад! — отвечает королева. — Есть у нас за городом другой сад, вёрст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!» Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез он из коляски, а нечистый навстречу: «Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам виноват; теперь из моих лап не вырвешься». — «Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой женой проститься». — «Прощайся, да поскорей!..»

ДВА ИВАНА СОЛДАТСКИХ СЫНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время — записали его в солдаты; оставляет он жену беременную, стал с нею прощаться и говорит: «Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смей, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось Бог даст — выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублёв; дочку ли, сына ли родишь — всё равно сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать замуж — будет у ней приданое; а коли Бог сына даст да войдёт он в большие года — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое». Попрощался с женою и пошёл в поход, куда было велено. Месяца три погода родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать. Боярские и купеческие

дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому: «Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашьётся, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему». И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — пóлно терпеть! — как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог. Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про всё и велел их выпустить. «Они, — говорит, — не виноваты: на зачинщиков Бог!»

Выросли два Ивана солдатские дети и просят у матери: «Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам; мы пойдём в город на ярмарку, купим себе по доброму коню». Мать дала им пятьдесят рублёв — по двадцати пяти на брата, и приказывает: «Слушайте, детушки! Как пойдёте в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному». — «Хорошо, родимая!» Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам! Говорит один брат другому: «Пойдём на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится — видимо-невидимо!» Пришли туда, протолпились — у дубовых столбов стоят два

жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не сможет.

«Что твоим жеребцам цена будет?» — спрашивает Иван солдатский сын у хозяина. «Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать». — «Почём знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо только в зубы посмотреть». Хозяин усмехнулся: «Смотри, коли головы не жаль!» Тотчас один брат подошёл к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат — к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят... Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали. «Вона чем хвастался! Да мы этаких клячей и даром не возьмём». Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать — никто не придумает. Сжалились над хозяином Иваны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путём-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился: «Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклон не отдали; давай нагоним его да поклонимся». Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят: «Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать». — «Спасибо, добрые молодцы! Куда вас Бог носил?» — «В город на ярмарку ходили; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились». — «Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?» — «Ах, дедушка, если подаришь, станем за тебя вечно Бога молить». — «Ну пойдёмте!» Привёл их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней: «Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с Богом, владейте на здоровье!» Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой; приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать: «Что, детушки, купили себе по лошадке?» — «Купить не купили, даром получили». — «Куда ж вы их дели?» — «Возле избы поставили». — «Ах, детушки, смотрите — не увёл бы кто!» — «Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!» Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами: «Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне».

На другой день просят сыновья у матери: «Отпусти нас в город, купим себе по сабельке». — «Сту-

пайте, родимые!» Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру. «Сделай, — говорят, — нам по сабельке». — «Зачем делать! Есть готовые; сколько угодно — берите!» — «Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили». — «Эх, что выдумали! Да кто ж эту махину ворочать будет? Да и горна такого во всём свете не найдёшь!» Нечего делать — пошли добрые молодцы домой и головы повесили; идут путём-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадает. «Здравствуйте, молодые юноши!» — «Здравствуй, дедушка!» — «Куда ходили?» — «В город, на кузницу; хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись». — «Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?» — «Ах, дедушка, коли подаришь, станем за тебя вечно Бога молить». Старичок привёл их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало! Приходят домой, мать спрашивает: «Что, детушки, купили себе по сабельке?» — «Купить не купили, даром получили». — «Куда ж вы их дели?» — «Возле избы поставили». — «Смотрите, как бы кто не унёс!» — «Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя». Мать вышла на двор, глянула — две сабли тяжёлые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит: «Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне».

Наутро Иваны солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, Богу молятся, с родной матерью прощаются:

«Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю». — «Будь над вами, детушки, моё нерушимое родительское благословение! Поезжайте с Богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте». — «Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду — не свищу, а наеду — не спущу!» Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли, далёко, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царём будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет». Остановились братья, прочитали надписи и призадумались; куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься — не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево — никому помереть не хочется! Да делать-то нечего — говорит один из братьев другому: «Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось Бог даст — царём сделаешься!» Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для зная, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется — значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мёртвого разыскивать.

Разъехались добрые молодцы в разные стороны. Что вправо коня пустил, тот добрался до славного

царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидал царь Ивана солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством. Живёт Иван-царевич в радости, своей женою любит, царству порядок даёт да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашёл в седле — два пузырька с целующей и живущей водою зашиты; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. «Надо, — думает, — побережь до поры до времени; не ровен час — понадобятся».

А брат его Иван солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без устали; прошёл месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство — прямо в столичный город. В том государстве печаль великая; дома чёрным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются. Нанял себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал её выпрашивать: «Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома чёрным сукном завешены?» — «Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло; каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье — змею на съедение».

Иван солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна — на железной цепи прикована. Увидела витязя и говорит ему: «Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придёт сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!» — «Не бойся, красная девица, авось подавится». Подошёл к ней Иван солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечёвку; после прилёг красной девице на колени: «Ну-ка поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на море смотри: как только туча взойдёт, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца». Красная девица послушалась, не столько в голове ему ищет, сколько на море смотрит.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору вверх подымается. Царевна разбудила Ивана солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит: «Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь моё место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку — тебе ж легче будет!» — «Врёшь, проклятый змей! Не проглотишь — подавишься!» — отвечал богатырь, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лёг спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза. «Ступай, — говорит, — на взморье, собери хоть царевнины косточки». Водовоз приехал к синему морю, видит — царевна жива, ни в чём невредима, посадил её на телегу и завёз в густой, дремучий лес; завёз в лес и давай нож точить. «Что ты делать собираешься?» — спрашивает царевна. «Я нож точу, тебя резать хочу!» Царевна заплакала: «Не режь меня; я тебе никакого вреда не сделала». — «Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!» Нечего делать, согласилась. Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван солдатский сын, позвал старуху, даёт ей денег и просит: «Поди-ка, бабушка, на рынок, купи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?» Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и рассказывает: «Идёт в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые; в те поры прилетела в окно калёная стрела и упала посерёд зала, к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твоё царство огнём сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут её, бедную, к синему морю, к серому камню».

Иван солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна: «Ты зачем, добрый молодец? Пушай

моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?» — «Не бойся, красная девица! Авось Бог спасёт». Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнём палит, смертью грозит. Богатырь ударил его острой саблей и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залёг спать на три дня, на три ночи.

Приехал опять водовоз, увидал, что царевна жива, посадил её на телегу, повёз в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна: «Зачем ты нож точишь?» — «А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую». Царевна дала ему клятву; он привёз её во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван солдатский сын пробудился от сна на четвёртые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать. Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает: «Третий змей проявился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение». Иван солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю. На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, потряхнул и разорвал, словно гнилую бечёвку; после прилёг красной девице на колени: «Поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на море смотри: как только туча взойдёт, ветер зашумит, море

всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца». Царевна начала ему в голове искать...

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается. Стала царевна будить Ивана солдатского сына, толкала-толкала, нет — не просыпается; заплакала она слёзно, и капнула горячая слеза ему на щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами. Летит двенадцатиглавый змей, огнём так и пышет; взглянул на богатыря и воскрикнул: «Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому; съем тебя и с косточками!» — «Врёшь, проклятый змей, подавишься». Начали они биться смертным боем; Иван солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблею, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царевне: «Спасай меня, красная девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю». Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залёг спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье; приехал водовоз, взял царевну и повёз в дремучий лес; вынул нож и стал точить. «Что ты делаешь?» — спрашивает царевна. «Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую». Устрашил

красную девицу, поклялась говорить по его словам. А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел её живую, ни в чём невредимую, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать — выдать за него замуж меньшую царевну.

Пошёл про то слух по всему государству. Узнал Иван солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошёл прямо во дворец, а там пир идёт, гости пьют и едят, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и стала отцу доказывать: «Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!» Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока всё это деялось, с братом Ивана солдатского сына — с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту и попался ему олень быстрого. Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался-мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь — на том лугу ручеёк протекает, на воде две серые утки плавают. Прицелился он из ружья, выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше. Ехал-ехал, увидел белокаменные палаты, слез

с лошади, привязал её к столбу и пошёл в комнаты. Везде пусто — нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковородку и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да кушает.

Вдруг откуда ни возьмись — является к нему красная девица — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, и говорит ему: «Хлеб-соль, Иван-царевич!» — «Милости просим, красная девица! Садись со мной кушать». — «Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный». — «Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал». Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая девица, была то родная сестра трёх змеев, что побиты Иваном солдатским сыном.

Вздумал Иван солдатский сын про своего брата, вынул платок из кармана, утёрся, смотрит — весь платок в крови. Сильно он запечалился: «Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царём быть, а он смерть получил!» Отпросился у жены и тестя и поехал на своём богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко, приезжает в то самое государство, где его брат проживал; расспросил про всё и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул —

назад не бывал. Иван солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадаетеся и ему олень быstroногий. Пустился богатырь за ним в погоню; выехал на широкий луг — олень с глаз пропал; смотрит — на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошёл в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечке, режет да кушает.

Вдруг является к нему красная девица: «Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе кушаешь?» Отвечает Иван солдатский сын: «Да в горнице неохотно; на дворе веселей будет! Садись со мной, красная девица!» — «Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного». — «Полно, красавица! Я на простой лошадёнке приехал». Она сдуру и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал его волшебный конь и облапил её богатырскими ногами. Иван солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом: «Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича? Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части». Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича; сам-то он мёртвый, в гниль пошёл, голова облезла.

Тут Иван солдатский сын вынул из седла два пузыря с водою целующею и живущею; взбрызнул брата целующей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнул живущей водою — царевич встал и говорит: «Ах,

как же я долго спал!» Отвечает Иван солдатский сын: «Век бы тебе спать, если б не я!» Потом берёт свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и рассказать нельзя, начала слёзно плакать и просить прощения. Глядя на её красу неописанную, смиловался Иван солдатский сын и пустил её на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трёхдневный пир; после попрощались; Иван-царевич остался в своём государстве, а Иван солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

В некое время вышел Иван солдатский сын в чистое поле прогуляться; попадаетеся ему навстречу малый ребёнок и просит милостыньку. Жалко стало доброму молодцу, вынул из кармана золотой и даёт мальчику; мальчик принимает милостыню, а сам дуется — оборотился львом и разорвал богатыря на мелкие части. Через несколько дней то же самое приключилось и с Иваном-царевичем: вышел он в сад прогуляться, а навстречу ему старичок, низко кланяется и просит милостыньку; царевич подаёт ему золотой. Старик принимает милостыньку, а сам дуется — обернулся львом, схватил Ивана-царевича и разорвал на кусочки. Так и сгнули сильномогучие богатыри, извела их сестра змеиная.

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Димитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с неё золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблок с неё сорвала; почему призвал к себе трёх своих сыновей и сказал им: «Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моём саду жар-птицу? Кто изловит её живую, тому ещё при жизни моей отдам половину царства, а по смерти

и всё». Тогда дети его царевицы возопили единогласно: «Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую».

На первую ночь пошёл караулить в сад Дмитрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблок весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Дмитрия-царевича и спросил: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» Он родителям своему отвечал: «Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала». На другую ночь пошёл в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» — «Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошёл в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещён был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил её за хвост; однако не мог её удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался. Поутру лишь только царь Выслав от

сна пробудился, Иван-царевич пошёл к нему и отдал ему пёрышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чуждо и светло, что ежели принести его в тёмную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то пёрышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им: «Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезёт». Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему: «Сын мой любезный, чадо моё милое! Ты ещё молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под Богом; ежели во время отлучки вашей Господь Бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим

народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому». Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путём-дорогою, близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зелёные луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется». Иван-царевич прочёл эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: «Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мёртв; так зачем сюда едешь?» Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошёл прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошёл пеший. Он шёл целый день и устал несказанно и только что хотел присесть от-

дохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему: «Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Дóбро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?» Иван-царевич сказал серому волку, куды ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привёз Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возмёшь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!» Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на неё прельстился. Вынул птицу из клетки и пошёл назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял жар-птицу без клетки, куда я её посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку — то вдруг пошёл стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом: «Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которыхя землі, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?» Иван-царевич ему молвил: «Я есмь из царства Выславова, сын царя

Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти всё дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть». — «Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, — молвил царь Долмат, — пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моём государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор». Иван-царевич пошёл от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришёл он к серому волку и рассказал ему обо всём, что ему царь Долмат говорил. «Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?» — «Виноват я перед тобою», — сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! — молвил серый волк. — Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец

прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал: «Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты её не бери, а то худо тебе будет». Иван-царевич, вступая в белокаменные конюшни, взял коня и пошёл было назад; но увидел на стене золотую узду и так на неё прельстился, что снял её с гвоздя, и только что снял — как вдруг пошёл гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать: «Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?» На то отвечал ему Иван-царевич: «Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем». — «Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон. — Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моём государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я эту вину

прошу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу всё, как ты в моём государстве дурно сделал». Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошёл из палат его и горько заплакал.

Пришёл к серому волку и рассказал всё, что с ним случилось. «Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?» — «Виноват я пред тобою», — сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! — продолжал серый волк. — Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решётке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу: «Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зелёным дубом». Иван-царевич пошёл, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решётки и дожидался, покуда пойдёт прогуляться в сад королевна Елена Прекрасная. К вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придвор-

ными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решёткою, — вдруг серый волк перескочил через решётку в сад и ухватил королевну Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зелёный дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему: «Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!» Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил её сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слёзно плакать. Серый волк спросил его: «О чём ты плачешь, Иван-царевич?» На то ему Иван-царевич отвечал: «Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королевну Елену, а теперь должен отдать её царю Афрону за коня златогривого, а ежели её не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах». — «Служил я тебе много, Иван-царевич, — сказал серый волк, — сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь

прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтёт за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду». Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сырú землю — и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошёл во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришёл к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельмí возрадовался в сердце своём, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королевну, а коня златогривого вручил Иван-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живёт у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвёртый день пришёл к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон: «Ах, прекрасная моя королевна Елена! Я для тебя всё сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять». И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путём-дорогою с Еленю Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил: «Ах, где-то мой серый волк?» Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему: «Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королева пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка: «Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот такая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конём мне расстаться не хочется». Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конём златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королеву Елену в зелёном лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повёл в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою. Царевич взял жар-пти-

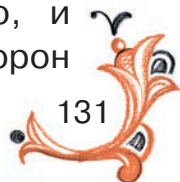
цу, пошёл за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевной Еленой и поехал в своё отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича. «Иван-царевич! — сказал он. — Садись на меня, на серого волка, а королевна Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довёз серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довёз тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга». Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленой на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать вёрст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лёг отдохнуть от солнечного зноя под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жарптицею поставил подле себя. Лёжа на мягкой траве и

ведя разговоры полюбовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, ездя по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в своё отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрий-царевич вынул из ножон меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королевну Елену и начал её спрашивать: «Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь, и как тебя по имени зовут?» Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мёртвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила: «Я королевна Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда бы были добрые рыцари, если бы выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мёртвый!» Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевны Елены и сказал ей: «Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезём тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!» Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обещалась им и

клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Дмитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривый Дмитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Дмитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить её родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мёртв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наестся мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного воронёнка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему: «Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал». — «Слушай, ворон воронович! — молвил серый волк. — Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесёшь мне мёртвой и живой воды». На то ворон

воронович сказал серому волку: «Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына». Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принёс с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мёртвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал воронёнка надвое, sprыснул его мёртвою водою — и тот воронёнок сросся, sprыснул живую водою — воронёнок вострепенулся и полетел. Потом серый волк sprыснул Иван-царевича мёртвою водою — его тело срослося, sprыснул живую водою — Иван-царевич встал и промолвил: «Ах, куды как я долго спал!» На то сказал ему серый волк: «Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспешай как можно скорее в своё отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королевне Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу». Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли, — прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошёл в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом. Иван-царевич вошёл в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста са-

харные и закричала: «Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!» Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королевну Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чём она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл её, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали её, чтоб говорила, будто всё это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, полюбовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

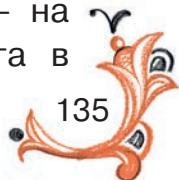

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Бывало-живало — в некотором государстве был-жил царь и царица; у них родился сын, Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца: «Царь, великий государь! Поди, сам качай своего сына». Царь начал качать: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и проспал трое суток; пробудился — пуще прежнего расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут; зовут отца: «Царь, великий государь! Поди, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, ещё пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: «Поди, великий государь, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку,

трёх бабок внуку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток. Пробудился и говорит: «Давай, батюшка, своё благословение; я поеду жениться». — «Что ты, дитячко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!» — «Дашь благословение — поеду, и не дашь — поеду!» — «Ну, поезжай! Господь с тобой!»

Иван-царевич срядился и пошёл коня доставать; отошёл немало от дому и встретил старого человека: «Куда, молодец, пошёл? Волей аль неволей?» — «Я с тобой и говорить не хочу!» — отвечал царевич, отошёл немного и одумался: «Что же я старику ничего не сказал? Стары люди на ум наводят». Тотчас настиг старика: «Постой, дедушка! Про что ты меня спрашивал?» — «Спрашивал: куда идёшь, молодец, волей али неволей?» — «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку, трёх бабок внуку, девяти братьев сестру». — «Хорош молодец, учливо говоришь! Только пешему тебе не дойти — Ненаглядная Красота далеко живёт». — «Сколь далеко?» — «В золотом царстве, по конец свету белого, где солнышко восходит». — «Как же быть-то мне? Нет мне, молодцу, по плечу коня не езжалого, ни плёточки шелковой недержалой». — «Как нет? У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперёд выдвинется, забредёт в воду по самую шею и как станет пить — на синем море начнут волны подыматься, из берега в

берег колыхаться, ту и бери!» — «Спасибо на добром слове, дедушка!»

Как старик научил, так царевич и сделал; выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком: «Иван-царевич! Припади к земле; я тя трижды пихну». Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал: «Ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесёт!» Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом — только и видел царь своего сына!

Едет далекий-далеко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал на двор — прямо ко крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, добрый молодец! — говорит ему старуха. — Куды ты Господь понёс?» — «Ах ты, старая ведьма! Неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, в те поры и вестей спрашивай». Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вестей выпрашивать. «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру». — «Хорош молодец! Учливо говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живёт моя большая сестра, может, она знает; поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее». Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал раненько, умылся

белёнько, вывел коня, оседлал, в стремяно ногу клал — только его и видела бабушка!

Едет он далекім-далеко, высокím-высоко, день коротается, к ночи подвигается: стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха: «Фу-фу! Доселева было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а ноне русская коска сама на двор приехала. Откуль, Иван-царевич, взялся?» — «Что ты, старая ведьма, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала». Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила, села в головы и спрашивает: «Куды ты Бог понёс?» — «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру». — «Хорош молодец! Учливо говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту ещё не слыхивала. Впереди по дороге живёт моя большая сестра, может, она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — птица воздушная, третьи ответчики — рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете — всё ей покоряется. Поезжай-ка завтра к ней; а теперь усни; утро вечера мудренее!» Иван-царевич ночь переночевал, встал ранёнько, умылся белёнько, сел на коня — и был таков!

Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город,

изба — что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «Ах ты, такой-сякой! Железного кольца недостойн, а к золотому коня привязал». — «Хорошо, бабушка, не бранись; коня можно отвязать, за иное кольцо привязать». — «Что, добрый молодец, задала тебе страху! А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?» — «Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила-напоила, в те поры вестей поспрошала; видишь — человек с дороги, весь день не ел!» В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам ей рассказывает: «Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трёх мамок дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка, скажи: где живёт Ненаглядная Красота и как до неё дойти?» — «Я и сама, царевич, не ведаю: вот уж девятый десяток доживаю, а про эту красоту ещё не слыхивала. Ну да усни с Богом; завтра соберу моих ответчиков — может, из них кто знает».

На другой день встала старуха ранёнько, умылась белёнько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: «Рыбы и гад водяной! Идите сюда». Тотчас сине море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается вся-

кий гад, к берегу идёт — воду укрывает. Спрашивает старуха: «Где живёт Ненаглядная Красота, трёх мамок дочка, трёх бабок внучка, девяти братьев сестра?» Отвечают все рыбы и гады в один голос: «Видом не видали, слухом не слыхали!» Крикнула старуха по земле: «Собирайся, зверь лесной!» Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слухом не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «Собирайся, птица воздушная!» Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слухом не слыхали!» — «Больше некого спрашивать!» — говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю — в окнах свету не стало. «Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?» — «Ненаглядную Красоту к обедне сряжала». — «Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича». — «Рада бы сослужила, много пропитанья надоть!» — «Сколько много?» — «Три сороковки говядины да чан воды».

Иван-царевич налил чан воды, накупил быков, набил и наклал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копьё длинное железное. Воротился и стал со старухой прощаться. «Прощай, — говорит, — бабушка! Корми моего доброго коня сыто — я тебе за всё заплачу». Сел на Моголь-птицу — в ту ж минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама бесперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подаёт ей на копьё кус говядины. Вот летела-летела немало времени, ца-

ревич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: «Эй, птица Моголь! Пади на сыру землю, мало пропитанья стало». — «Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучие — нам с тобой по конец века не выбратся». Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Моголь-птица летит — оборачивается. «Что делать?» — думает царевич, вырезал из своих ног икры и дал птице; она проглотила, вылетела на луга зелёные, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь. Иван-царевич встал, идёт по лугу — разминается, на обе ноги прихрамывает. «Что ты, царевич, али хромаешь?» — «Хромаю, Моголь-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил». Моголь-птица выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли — и пошёл царевич и крепко и бодро.

Пришёл в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: «Спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу». Лёг царевич и тотчас уснул; день спит, ночь спит... Зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадёт в руки — тем и бьёт; нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьёт его чем ни попадя, насил-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорёхонько, умылся белёхонько, снарядился и пошёл к обедне. Пришёл в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на осо-

бицу; стоят они рядом да Богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел на рундук¹, глянул на сине море — идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмеяться: «Ах ты, деревенская зобёнка!² По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты её мизинного пальчика!» Раз говорят и в другой говорят, а в третий сказали — ему обидно стало: рукой махнул — улица, другой махнул — чисто, гладко кругом! Сам ушёл к бабушке-задворенке. «Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту?» — «Видел, по век не забуду». — «Ну ложись спать; завтра она опять к обедне пойдёт; как ударит колокол, я тебя разбужу». Лёг царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадёт под руки — тем и бьёт его; нет, не могла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьёт и будит. Вскочил Иван-царевич скорёхонько, умылся белёхонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула — покраснела. Стоят они рядышком да Богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: «Ах ты, деревенская

¹ Ларь; здесь как будто бы в значении крыльцо.

² Корзина; переносно: жадный человек.

зобёнка! По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты её мизинного пальчика!» От тех речей ему обидно показалось; махнул рукой — стала улица, махнул другой — чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушёл. «Видел ли Ненаглядную Красоту?» — спрашивает бабушка-задворенка. «Видел, по век не забуду». — «Ну, спи; заутро я тебя опять разбуджу». Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьёт его, не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она всё с царевичем возится. Насилу добудилась его! Иван-царевич вскочил скорёхонько, умылся белёхонько, снарядился и в церковь. Пришёл, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку; а сама стала по левую. Стоят они да Богу молятся; на исходе обедни он первый под крест, она вторая за ним.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться: «Ах ты, деревенская зобёнка! По тебе ль такая красавица? Ты не стоишь её мизинного пальчика!» Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — улица, махнул другой — гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти

бранные, угощала его, потчевала, своим женихом называла.

Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали, ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич её сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич: «Ненаглядная Красота! Похрани моего тела белого, я спать лягу». — «А долго ль спать будешь?» — «Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время придёт — сам проснусь». — «Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет». — «Скучно не скучно, а делать нечего!» Лёг спать и проспал как раз девять суток. В это время приехал Кощей Бессмертный и увёз Ненаглядную Красоту в своё государство.

Пробудился от сна Иван-царевич, смотрит — нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошёл ни путем, ни дорогою. Долго ли, коротко ли — приходит в государство Кощея Бессмертного и просится на постой к одной старухе. «Что, Иван-царевич, печален ходишь?» — «Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем». — «Худо твоё дело, Иван-царевич! Тебе Кощей не потребить». — «Я хоть посмотрю на мою невесту!» — «Ну ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уедет». Лёг Иван-царевич, а сон и на ум нейдёт; поутру Кощей со двора, а царевич во двор — стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать. Научает её Иван-царевич: «Спроси

у Кощея Бессмертного, где его смерть». — «Хорошо, спрошу». Только успел он со двора уйти, а Кощей во двор: «А! — говорит. — Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — «Что ты, Кощей Бессмертный! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!» Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает: «Скажи мне, Кощей Бессмертный: где твоя смерть?» — «На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана».

Рано утром уезжает Кощей на войну. Иван-царевич пришёл к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кощей во двор: «А! — говорит. — Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — «Что ты, Кощей Бессмертный! Сам по Руси летал, русского духу нахватался — от тебя русским духом и пахнет. А мне где видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!» Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порога — лежит веник позолоченный. «Это что?» — «Ах, Кощей Бессмертный! Сам видишь, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога». — «Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вон в дубовом тыну заделана».

На другой день Кощей уехал, а Иван-царевич пришёл, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кощей Бессмертный. «А! — говорит. — Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — «Что

ты, Кощей Бессмертный! Кажется, я тебе не раз говорила: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали». Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул посадила. Кощей взглянул в окно — стоит тын позолоченный, словно жар горит! «Это что?» — «Сам видишь, Кощей Бессмертный, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога». Полюбилась эта речь Кощею Бессмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: «Ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоре¹, та кокура в море плавает». Как только уехал Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и рассказала, где искать смерть Кощееву.

Иван-царевич пошёл ни путём, ни дорогою, пришёл к океан-морю широкому и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился: «Ну, ястреб! Я тебя застрелю да сырком² съем». — «Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь». Бежит медведь: «Ах, Мишка косолапый! Я тебя убью да сырком съем». — «Не ешь, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь». Глядь — на берегу щука трепещется: «А, щука зубастая, попалася! Я тебя сырком съем». — «Не ешь, Иван-царевич! Лучше в море брось: в нужное время я тебе пригожусь». Стоит ца-

¹ Кокóра — пень, лежащий на дне реки; выдолбленная колода.

² Сырым.

ревич и думает: когда-то наступит нужное время, а теперь голодать пришлось!

Вдруг сине море всколыхалось, взволновалось, стало берег заливать, Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит; взбежал на самое высокое место и влез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокоря. Прибежал медведь, поднял кокору да как хватит оземь — кокоря развалилась, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся — летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал её пополам. Выпало из утки яйцо да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу.

Царевич положил яйцо за пазуху и пошёл к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Бессмертный сидит у окна да ругается: «А, Иван-царевич! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть». — «Ты сам у меня её отнял! — отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: — А это что?» У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел-покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на руку перекладывать; перекладывал, перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер. Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, забрал целые

мешки серебра и золота и поехал вместе с своею невестою к родному батюшке.

Долго ли, коротко ли — приезжает он к той самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, увидел своего коня. «Слава Богу, — говорит, — Воронко жив!» — и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть ещё девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас снарядил царевич лёгкого гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет: «Батюшка! Встречай сына; еду с невестою Ненаглядной Красотою». Отец получил письмо, прочитал и веры неймёт: «Как тому быть! Ведь Иван-царевич уехал отсель девяносточный». Вслед за гонцом и сам царевич приехал; царь увидел, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльцо встречать и приказал в барабаны бить, музыке играть. «Батюшка! Благослови жениться». У царей ни пиво варить, ни вино курить — всего много; в тот же день весёлым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с Ненаглядной Красотою и выставили по всем улицам большие чаны с разными напитками; всякий приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мёд-вино пил, по усам текло, во рту не было.

ТРИ ЦАРСТВА — МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья золотая коса и три сына: Пётр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. Пошла царица с своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг поднялся сильный вихрь — что и Боже мой! Схватил царицу и унёс неведомо куда. Царь запечалился-закручинился и не ведаёт, как ему быть. Подросли царевичи, он и говорит им: «Дети мои любезные! Кто из вас поедет — мать свою отыщет?»

Собрались два старшие сына и поехали; а за ними и младший стал у отца проситься. «Нет, — говорит царь, — ты, сынок, не ездь! Не покидай меня одного, старика». — «Позволь, батюшка! Страх как хочется по белу свету постранствовать да матушку отыскать». Царь отговаривал, отговаривал, не мог отговорить: «Ну, делать нечего, ступай; Бог с тобой!»

Иван-царевич оседлал своего доброго коня и пустился в дорогу. Ехал-ехал, долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается;

приезжает к лесу. В том лесу богатейший дворец стоит. Иван-царевич въехал на широкий двор, увидел старика и говорит: «Много лет здравствовать, старичок!» — «Милости просим! Кто таков, добрый мóлодец?» — «Я — Иван-царевич, сын царя Бела Белянина и царицы Настасьи золотой косы». — «Ах, племянник родной! Куда тебя Бог несёт?» — «Да так и так, — говорит, — еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где найти её?» — «Нет, племянник, не знаю. Чем могу, тем и послужу тебе; вот тебе шарик, брось его перед собою; он покатится и приведёт тебя к крутым, высоким горам. В тех горах есть пещера, войди в неё, возьми железные когти, надень на руки и на ноги и полезай на горы; авось там найдёшь свою мать Настасью золотую косу».

Вот хорошо. Иван-царевич попрощался с дядею и пустил перед собою шарик; шарик катится, катится, а он за ним едет. Долго ли, коротко ли — видит: братья его Пётр-царевич и Василий-царевич стоят в чистом поле лагерем и множество войска с ними. Братья его встренули: «Ба! Куда ты, Иван-царевич?» — «Да что, — говорит, — соскучился дома и задумал ехать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поедemте вместе». Они так и сделали; отпустили войско и поехали втрóем за шариком. Издали ещё завидели горы — такие крутые, высокие, что и Боже мой! верхушками в небо упёрлись. Шарик прямо к пещере прикатился; Иван-царевич слез с коня и говорит братьям: «Вот вам, братцы, мой добрый конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь;

дожидайтесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца — и ждать нечего!» Братья думают: «Как на эти горы влезать, да тут и голову поломать!» «Ну, — говорят, — ступай с Богом, а мы здесь подождём».

Иван-царевич подошёл к пещере, видит — дверь железная, толкнул со всего размаху — дверь отворилась; вошёл туда — железные когти ему на руки и на ноги сами наделись. Начал на горы взбираться, лез, лез, целый месяц трудился, насилиу наверх взобрался. «Ну, — говорит, — слава Богу!» Отдохнул немного и пошёл по горам; шёл-шёл, шёл-шёл, смотрит — медный дворец стоит, у ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, так и кишат! А подле колодезь, у колодезя медный корец на медной цепочке висит. Иван-царевич взял почерпнул корцом воды, напоил змей; они присмирели, прилегли, он и прошёл во дворец.

Выскакивает к нему медного царства царица: «Кто таков, добрый молодец?» — «Я Иван-царевич». — «Что, — спрашивает, — своей охотой али неволей зашёл сюда, Иван-царевич?» — «Своей охотой; ищу мать свою Настасью золотую косу. Какой-то Вихрь её из сада похитил. Не знаешь ли, где она?» — «Нет, не знаю; а вот недалеко отсюда живет моя середняя сестра, серебряного царства царица; может, она тебе скажет». Дала ему медный шарик и медное колечко. «Шарик, — говорит, — доведёт тебя до средней сестры, а в этом колечке всё медное царство состоит. Когда победишь Вихря, который и меня здесь держит

и летает ко мне чрез каждые три месяца, то не забудь меня бедной — освободи отсюда и возьми с собою на вольный свет». — «Хорошо», — отвечал Иван-царевич, взял бросил медный шарик — шарик покатился, а царевич за ним пошёл.

Приходит в серебряное царство и видит дворец лучше прежнего — весь серебряный; у ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы, а подле колодезь с серебряным корцом. Иван-царевич почерпнул воды, напоил змей — они улеглись и пропустили его во дворец. Выходит царица серебряного царства: «Уж скоро три года, — говорит, — как держит меня здесь могучий Вихрь; я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух воочью совершается. Кто таков, добрый молодец?» — «Я Иван-царевич». — «Как же ты сюда попал — своею охотою али неволею?» — «Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она в зелёном саду погулять, как поднялся Вихрь и умчал её неведомо куда. Не знаешь ли, где найти её?» — «Нет, не знаю; а живёт здесь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик, покати его перед собою и ступай за ним следом; он тебя доведёт до золотого царства. Да смотри, как убьёшь Вихря — не забудь меня бедной; вызволь отсюда и возьми с собою на вольный свет; держит меня Вихрь в заключении и летает ко мне через каждые два месяца». Тут подала ему серебряное колечко: «В этом колечке всё серебряное царство состоит!» Иван-царе-

вич покати́л шарик: куда шарик покати́лся, туда и он напра́вился.

Долго ли, коротко ли, уви́дал — золо́той дворец стои́т, как жар го́рит; у воро́т киша́т стра́шные змеи — на золо́тых це́пях при́кованы, а возле колоде́зь, у колоде́зя золо́той ко́рец на золо́той це́почке ви́сит. Ива́н-ца́ревич по́черпнул ко́рцом во́ды и напои́л зме́й; они уле́глись, при́смирели. Во́ходит ца́ревич во дворе́ц; встре́чает его́ Е́лена Пре́красная: «Кто та́ков, до́брый мо́лодец?» — «Я Ива́н-ца́ревич». — «Как же ты сю́да заше́л — сво́ей ли о́хотою али́ нево́лею?» — «Заше́л я о́хотою; и́щу сво́ю ма́тушку На́стасью золо́тую ко́су. Не ве́даешь ли, где на́йти её?» — «Как не ве́дать! Она жи́вёт не́далеко о́тсюдова, и ле́тает к не́й Ви́хрь раз в не́делю, а ко́ мне раз в ме́сяц. Во́т тебе́ золо́той ша́рик, покати́ перед со́бою и сту́пай за ни́м сле́дом — он до́ведёт те́бя куда́ надобно́; да во́т ещё́ возьми́ зо́лотое ко́лечко — в э́том ко́лечке всё́ зо́лотое ца́рство со́стои́т! Смо́три же, ца́ревич: как по́бедишь ты Ви́хря, не забу́дь ме́ня бе́дной, возьми́ с со́бой на во́льный све́т». — «Хоро́шо, — го́ворит, — возьму́!»

Ива́н-ца́ревич покати́л ша́рик и поше́л за ни́м: ше́л-ше́л, и при́ходит к та́кому дво́рцу, что и Го́споди Бо́же мо́й! — та́к и го́рит в бри́ллиантах и само́цветных ка́меньях. У воро́т ши́пят ше́стигла́вые змеи; Ива́н-ца́ревич напои́л их, змеи при́смирели и пропу́стили его́ во дворе́ц. Про́ходит ца́ревич бо́льшими по́коями и в са́мом да́льном нахо́дит сво́ю ма́тушку: си́дит она́ на вы́соком тро́не, в ца́рские на́ряды уба́рана, драго́ценной ко́роной уве́нчана. Гляну́ла на го́стя и

вскрикнула: «Ах, Боже мой! Ты ли, сын мой возлюбленный? Как сюда попал?» — «Так и так, — говорит, — за тобой пришёл». — «Ну, сынок, трудно тебе будет! Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, и все духи ему повинуются; он-то и меня унёс. Тебе с ним бороться надо! Пойдём поскорей в погреб».

Вот сошли они в погреб. Там стоят две кади с водою: одна на правой руке, другая на левой. Говорит царица Настасья золотая коса: «Испей-ка водицы, что направо стоит». Иван-царевич испил. «Ну что, сколько в тебе силы?» — «Да так силён, что весь дворец одной рукой поверну». — «А ну, испей ещё». Царевич ещё испил. «Сколько теперь в тебе силы?» — «Теперь захочу — весь свет поворочу». — «Ох, уж это дюже¹ много! Переставь-ка эти кади с места на место: ту, что стоит направо, отнеси на левую руку, а ту, что налево, отнеси на правую руку». Иван-царевич взял кади и переставил с места на место. «Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади — сильная вода, в другой — бессильная; кто первой напьётся — будет сильномогучим богатырём, а кто второй изопьёт — совсем ослабеет. Вихрь пьёт всегда сильную воду и ставит её по правую сторону; так надо его обмануть, а то с ним никак не сладить!»

Воротились во дворец. «Скоро Вихрь прилетит, — говорит царица Ивану-царевичу. — Садись ко мне под порфиру, чтоб он тебя не увидел. А как Вихрь приле-

¹ Очень.

тит да кинется меня обнимать-целовать, ты и схвати его за палицу. Он высоко-высоко поднимется, будет носить тебя и над морями и над пропастями, ты смотри не выпускай из рук палицы. Вихрь уморится, захочет испить сильной воды, спустится в погреб и бросится к кади, что на правой руке поставлена; а ты пей из кади на левой руке. Тут он совсем обессилеет, ты выхвати у него меч и одним ударом отруби его голову. Как срубишь ему голову, тотчас сзади тебя кричать будут: «Руби ещё, руби ещё!» А ты, сынок, не руби, а в ответ скажи: «Богатырская рука два раза не бьёт, а всё с одного разу!»

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, всё кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица. «Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?» Отвечает царица: «Не знаю, отчего тебе так сдаётся». Вихрь бросился её обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу. «Я тебя съем!» — закричал на него Вихрь. «Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо нет!» Вихрь рванулся — в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича — и над горами: «Хошь, — говорит, — зашибу?» и над морями: «Хошь, — грозит, — утоплю?» Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, уморился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, на-

пился сильной воды и сделался первым могучим богатырём во всём свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову. Закричали позади голоса: «Руби ещё, руби ещё, а то оживёт». — «Нет, — отвечает царевич, — богатырская рука два раза не бьёт, а всё с одного разу кончает!» Сейчас разложил огонь, сжёг и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая! «Ну, — говорит, — сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету». — «Да кто же здесь прислуживает?» — «А вот увидишь». Только задумали они кушать, сейчас стол сам накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились они, отдохнули; говорит Иван-царевич: «Пойдём, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трёх цариц избавить, что здесь у Вихря жили».

Забрали всё, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотно и всякой всячины и в скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться. Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестёр её. Братья стоят внизу — ждут, а сами думают: «Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезём к отцу и скажем,

что мы их отыскиали». — «Елену Прекрасную я за себя возьму, — говорит Пётр-царевич, — царицу серебряного царства возьмёшь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала».

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взялись за полотна, рванули и совсем оторвали. Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошёл назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому — нет ни души. Приходит в бриллиантовое царство — тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь — на окне лежит дудочка. Взял её в руки. «Дай, — говорит, — поиграю от скуки». Только свистнул — выскакивают хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Есть хочу». Тотчас откуда ни возьмись — стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает: «Теперь отдохнуть бы не худо». Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Да чтобы постель была готова». Не успел выговорить, а уж постель постлана — что ни есть лучшая.

Вот он лёг, выпался славно и опять свистнул в дудочку. «Что угодно?» — спрашивают его хромой да кривой. «Так, стало быть, всё можно?» — спрашивает царевич. «Всё можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того всё сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была». — «Хорошо же, — говорит Иван-царевич, — чтоб я сейчас стал в моём государстве!» Только сказал, и в ту ж

минуту очутился в своём государстве посерёд базара. Вот ходит по базару; идёт навстречу башмачник — такой весельчак! Царевич спрашивает: «Куда, мужичок, идёшь?» — «Да несусь черевиками¹ продавать; я башмачник». — «Возьми меня к себе в подмастерья». — «Разве ты умеешь черевика шить?» — «Да всё, что угодно, умею; не то черевика, и платье сошью». — «Ну, пойдём!»

Пришли они домой; башмачник и говорит: «Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь». Иван-царевич пошёл в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Чтобы к завтраму башмаки были готовы». — «О, это службишка, не служба!» — «Вот и товар!» — «Что это за товар? Дрянь — и только! Надо за окно выкинуть». Назавтра царевич просыпается, на столе башмаки стоят прекрасные, самые первые. Встал и хозяин: «Что, молодец, пошил башмаки?» — «Готовы». — «А ну, покажь!» Взглянул на башмаки и ахнул: «Вот так мастера добыл себе! Не мастер, а чудо!» Взял эти башмаки и понёс на базар продавать.

В эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Пётр-царевич собирался жениться на Елене Прекрасной, Василий-царевич — на царице серебряного царства, а царицу медного царства отдавали за генерала. Стали закупать к тем свадьбам наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевика. У нашего

¹ Башмаки.

башмачника объявились черевики лучше всех; привели его во дворец. Елена Прекрасная как глянула: «Что это? — говорит. — Только на горах могут такие башмаки делать». Заплатила башмачнику дорого и приказывает: «Сделай мне без мерки другую пару черевик, чтоб были на диво сшиты, драгоценными камнями убраны, бриллиантами усажены. Да чтоб к завтраму поспели, а не то — на виселицу!»

Взял башмачник деньги и драгоценные камни; идёт домой — такой пасмурный. «Беда! — говорит. — Что теперь делать? Где такие башмаки пошить к завтраму, да ещё без мерки? Видно, повесят меня завтра! Дай хоть напоследки погуляю с горя с своими друзьями». Зашёл в трактир; друзей-то у него много было, вот они и спрашивают: «Что ты, брат, пасмурен?» — «Ах, други любезные, ведь завтра повесят меня!» — «За что так?» Башмачник рассказал своё горе: «Где уж тут о работе думать? Лучше погуляем напоследки». Вот пили-пили, гуляли-гуляли, башмачник уж качается. «Ну, — говорит, — возьму домой бочонок вина да лягу спать. А завтра, как только придут за мной вешать, сейчас полведра выдую; пускай уж без памяти меня вешают». Приходит домой. «Ну, окаанный, — говорит Ивану-царевичу, — вот что твои черевики надедали... так и так... поутру, как придут за мной, сейчас меня разбуди».

Ночью Иван-царевич вынул дудочку, свистнул — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Чтоб такие-то башмаки были готовы». — «Слушаем!» Иван-царевич лёг спать; поутру просыпа-

ется — башмаки на столе стоят, как жар горят. Идёт он будить хозяина: «Хозяин! Вставать пора». — «Что, али за мной пришли? Давай скорее бочонок с вином, вот кружка — наливай; пусть уж пьяного вешают». — «Да башмаки-то готовы». — «Как готовы? Где они? — Побежал хозяин, глянул: — Ах, когда ж это мы с тобой делали?» — «Да ночью, неужто, хозяин, не помнишь, как мы кроили да шили?» — «Совсем заспал, брат; чуть-чуть помню!»

Взял он башмаки, обернул, бежит во дворец. Елена Прекрасная увидала башмаки и догадалась: «Верно, это Ивану-царевичу дүхи делают». — «Как это ты сделал?» — спрашивает она у башмачника. «Да я, — говорит, — всё умею делать!» — «Коли так, сделай мне платье подвенечное, чтоб было оно золотом вышито, бриллиантами да драгоценными камнями усеяно. Да чтоб завтра было готово, а не то — голову долой!» Идёт башмачник опять пасмурный, а други давно его дожидают: «Ну что?» — «Да что,— говорит, — одно окаянство! Вот проявилась переводчица роду христианского, велела к завтраму платье сшить с золотом, с камнями. А я какой портной! Уж верно завтра с меня голову снимут». — «Э, брат, утро вечера мудренее: пойдём погуляем».

Пошли в трактир, пьют-гуляют. Башмачник опять нализался, притащил домой целый бочонок вина и говорит Ивану-царевичу: «Ну, малый, завтра, как разбудишь, так целое ведро и выдую; пусть пьяному рубят голову! А этакого платья мне и в жизнь не сделать». Хозяин лёг спать, захрапел, а Иван-царевич свистнул

в дудочку — явились хромой да кривой: «Что угодно, царевич?» — «Да чтоб к завтраму платье было готово — точно такое, как Елена Прекрасная у Вихря носила». — «Слушаем! Будет готово». Чем свет проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит — так всю комнату и осветило. Вот он будит хозяина; тот продрал глаза: «Что, аль за мной пришли — голову рубить? Давай поскорей вино!» — «Да ведь платье готово...» — «Ой ли! Когда ж мы сшить успели?» — «Да ночью, разве не помнишь? Ты сам и кроил». — «Ах, брат, чуть-чуть припоминаю; как во сне вижу». Взял башмачник платье, бежит во дворец.

Вот Елена Прекрасная дала ему много денег и приказывает: «Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чуждые и певчие б птицы разными голосами воспевали. Не сделаешь к завтраму — велю четверить тебя!» Пошёл башмачник от Елены Прекрасной и голову повесил. Встречают его други: «Что, брат?» — «Да что! Пропал я, завтра четверит меня. Такую службу задала, что никакой чёрт не сделает». — «Э, полно! Утро вечера мудренее; пойдём в трактир». — «И то пойдёмте! Напоследях надо хоть повеселиться».

Вот они пили-пили; башмачник до того к вечеру напился, что домой под руки привели. «Прощай, малый! — говорит он Ивану-царевичу. — Завтра казнят меня». — «Али новая служба задана?» — «Да, вот так

и так!» Лёг и захрапел; а Иван-царевич тотчас в свою комнату, свистнул в дудочку — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Можете ль сослужить мне вот такую службу...» — «Да, Иван-царевич, это служба! Ну, да делать нечего — к утру всё готово будет». На завтра чуть светать стало, Иван-царевич проснулся, смотрит в окно — батюшки светы! Всё как есть сделано: золотой дворец словно жар горит. Будит он хозяина; тот вскочил: «Что? Аль за мной пришли? Давай вина поскорей! Пусть казнят пьяного». — «Да ведь дворец готов». — «Что ты!» Глянул башмачник в окно и ахнул от удивления: «Как это сделалось?» — «Да разве не помнишь, как мы с тобой мастерили?» — «Ах, видно, я заспался; чуть-чуть помню!»

Побежали они в золотой дворец — там богатство невиданное и неслыханное. Говорит Иван-царевич: «Вот тебе, хозяин, крылышко; поди, обметай на мосту перила, а коли придут да спросят: кто такой во дворце живёт? — ты ничего не говори, только отдай эту записочку». Вот хорошо, пошёл башмачник и стал обметать на мосту перила. Утром проснулась Елена Прекрасная, увидала золотой дворец и сейчас побежала к царю: «Поглядите, ваше величество, что у нас делается; на море золотой дворец выстроен, от того дворца мост на семь вёрст тянется, а вокруг моста чудные деревья растут, и певчие птицы разными голосами поют».

Царь сейчас посылает спрашивать: «Что бы это значило? Уж не богатырь ли какой под его государ-

ство подступил?» Приходят посланные к башмачнику, стали его расспрашивать; он говорит: «Я не знаю, а есть у меня записка к вашему царю». В этой записке Иван-царевич рассказал отцу всё, как было: как он мать освободил, Елену Прекрасную добыл и как его старшие братья обманули. Вместе с запискою посылает Иван-царевич золотые кареты и просит приехать к нему царя с царицею, Елену Прекрасную с её сестрами; а братья пусть назади в простых дровнях будут привезены.

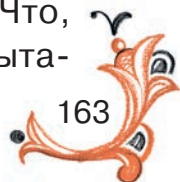
Все тотчас собрались и поехали; Иван-царевич встретил их с радостью. Царь хотел было старших сынов расказнить за их неправду, да Иван-царевич отца упросил, и вышло им прощение. Тут начался пир горой; Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, за Петра-царевича отдал царицу серебряного государства, за Василья-царевича отдал царицу медного государства, а башмачника в генералы произвёл. На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Жил-был царь с царицею, у него было три сына. Посылает он своих сыновей разыскать его молодость. Вот отправились царевичи в путь-дорогу, приезжают к столбу, от которого идут три дороги, и на том столбе написано: вправо идти — мóлодец будет сыт, а конь голоден; налево идти — молодец будет голоден, а конь сыт; прямо идти — живому не быть. Старший царевич поехал направо, средний — налево, а младший — прямой дорогой. Много ли, мало ли ехал меньшей брат — попадаетеся ему канава глубокая. Не стал долго думать, как через неё переехать; благословился, нахлыстал коня, перескочил на другую сторону и видит избушку возле дремучего леса — на курьих ножках стоит. «Избушка, избушка! Оборотись к лесу задом, ко мне передом». Избушка оборотилась. Входит в неё царевич; там сидит Баба-яга. «Фу-фу! — говорит. — Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый молодец, от дела лытаешь али дела пыта-

ешь?» — «Ах ты, старая хрычовка! Не ты бы говорила, не я бы слушал. Ты прежде меня напой-накорми, да тогда и спрашивай». Она его напоила-накормила, вестей выспросила и дала ему своего крылатого коня: «Поезжай, мой батюшка, к моей средней сестре».

Ехал он долго ли, коротко ли — видит избушку, входит — там Баба-яга сидит: «Фу-фу! — говорит. — Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый молодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» — «Эх, тётка! Напой-накорми, тогда и спрашивай». Она напоила-накормила и стала расспрашивать: «Какими судьбами занесло тебя в эти страны далёкие?» — «Отец послал искать свою молодость». — «Ну, возьми на смену моего лучшего коня и поезжай к моей старшей сестре».

Царевич немедля пускался в дорогу; долго ли, мало ли ехал — опять видит избушку на курьих ножках. «Избушка, избушка! Стань ко мне передом, а к лесу задом». Избушка повернулась; вошёл — там сидит Баба-яга: «Фу-фу! Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый молодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» — «Эх, старая хрычовка! Не накормила, не напоила, да вестей спрашиваешь». Баба-яга накормила его, напоила, вестей повыспросила и дала ему коня лучше прежних двух: «Поезжай с Богом! Недалеко есть царство — ты в ворота не ездь, у ворот львы стерегут, а нахлыщи коня хорошенько да прямо через тын перемахни, да

смотри за струны не зацепи, не то всё царство взволнуется: тогда тебе живому не быть! А как перемахнёшь через тын, тотчас ступай во дворец — в заднюю комнату, отвори потихоньку дверь и увидишь, как спит царь-девица; у неё под подушкой пузырьёк с живой водой спрятан. Ты возьми пузырьёк и назад спеши, на её красоту не заглядывайся».

Царевич сделал всё, как учила его Баба-яга; только одного не выдержал — на девичью красоту позарился... Стал на коня садиться — у коня ноги подгибаются, стал через тын перескакивать — и задел струну. Вмиг всё царство пробудилось, встала и царь-девица и велела коня оседлать; а Баба-яга уж узнала, что с добрым молодцем приключилось, и приготовилась к ответу; только успела она отпустить царевича, как прилетает царь-девица и застаёт Бабу-ягу всю растрёпанную. Говорит ей царь-девица: «Как смела ты допустить такого негодяя до моего царства? Он у меня был, квас пил, да не покрыл». — «Матушка, царь-девица! Чай, сама видишь, как мои волосы растрёпаны; я с ним долго дралась, да сладить не могла». Две другие Бабы-яги то же сказали. Царь-девица бросилась за царевичем в погоню и только что хотела схватить его, как он через канаву перепрыгнул. Говорит ему вслед царь-девица: «Жди меня через три года; на корабле приеду».

Царевич от радости не видал, как к столбу подъехал и как повернул от него в левую сторону; приезжает он на серебряную гору — на горе шатёр раскинут, около шатра конь стоит, ест белоярую пшеницу

да пьёт медовую сытицу, а в шатре лежит добрый молодец — его родной братец. Говорит ему меньшей царевич: «Поедем-ка старшего брата отыскивать». Оседлали лошадей и поехали в правую сторону; подъезжают к золотой горе — на горе раскинут шатёр, около него конь ест белоярую пшеницу, пьёт медовую сытицу, а в шатре лежит добрый молодец — их старший брат. Они его разбудили и поехали все вместе к тому столбу, где три дороги сходятся; сели тут отдохнуть. Два старшие брата стали меньшого расспрашивать: «Нашёл ты батюшкину молодость?» — «Нашёл». — «Как и где?» Он рассказал им всё, как было, прилёг на траву и заснул. Братья изрубили его на мелкие куски и разбросали по чистому полю; взяли с собой пузырьёк с живой водою и отправились к отцу.

Вдруг прилетает жар-птица, собрала все разбросанные куски, склала их, как следует быть человеку; потом принесла во рту мёртвой воды, вспыснула — все куски срослися; принесла живой воды, вспыснула — царевич ожил, встал и говорит: «Как я долго спал!» Отвечает жар-птица: «Век бы тебе спать непробудным сном, если б не я!» Царевич поблагодарил её и пошёл домой; отец его невзлюбил и сослал с глаз долой; так он целые три года и шатался по разным углам.

А как прошло три года, приплывает на корабле царь-девица и посылает к царю письмо, чтобы выслал к ней виновника; а коли воспротивится — она выжжет и вырубит всё царство дотла. Царь высылает к ней старшего сына; тот пошёл к кораблю. Увидали его

двое мальчиков, двое сыновей царь-девицы, и стали спрашивать у своей матушки: «Не этот ли наш батюшка?» — «Нет, это ваш дядюшка». — «Как же нам его встретить?» — «Возьмите по плётке да проводите назад». Воротился старший царевич домой, будто несолоно хлебал! А царь-девица с теми же угрозами требует выдачи виноватого; высылает царь другого сына — и с ним то же случилось, что и с первым.

Тут приказал царь отыскивать меньшого царевича, и как скоро его нашли, отец стал посылать на корабль к царь-девице. А он говорит: «Тогда пойду, когда до самого корабля будет выстроен хрустальный мост, а на мосту будет много разных яств и вин наставлено». Нечего делать, построили мост, наготовили яств, припасли вин и медов. Царевич собрал своих товарищей и говорит: «Идите со мной в провожатых, ешьте и пейте, ничего не жалейте!» Вот идёт он по мосту, а мальчики кричат: «Матушка! Кто это?» — «Это ваш батюшка». — «Как же нам его встретить?» — «Возьмите под ручки и ведите ко мне». Тут они целовались, обнимались, миловались; а после поехали к царю и поведали ему всё, как было. Царь старших сыновей со двора согнал, а с меньшим начал вместе жить-поживать, добра наживать.

ПО КОЛЕНА НОГИ В ЗОЛОТЕ, ПО ЛОКОТЬ РУКИ В СЕРЕБРЕ

В некотором государстве был один купец, имел двух дочерей; разослал он афишки по всему государству: кто из царевичей возьмёт замуж его меньшую дочь, тому она родит троих сыновей — по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звёзды. Приискался из иного государства Иван-королевич и женился на купеческой дочери; пожил с нею год, она забеременела и родила сына — по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звёзды. Старшая сестра позавидовала, подкупила бабу; а та взяла ребёнка — обратила голубем и пустила в чистое поле; пришла к королевичу и говорит: «Твоя жена родила котёнка!» Королевич рассердился, да оставил до другого сына.

На другой год родила ему купеческая дочь такого же славного сына: бабу обратила его голубем, пустила в чистое поле и сказала королевичу, что его жена родила щенёнка. Немало королевич гневался, да рассудил дожидаться третьего сына. Но и в третий раз

случилось то же самое; бабка обратила мальчика голубем, а королевичу доложила, что у него не сын родился, а обрубок дерева. Все три брата-голубя собрались вместе и улетели за тридевять земель, в тридесятое царство. Королевич рассудил подождать четвертого сына; а четвертый сын простой родился — ни в золоте, ни в серебре, без звёзд, без месяца. Как узнал о том королевич, тотчас созвал своих вельмож и князей; судили-рядили и все заодно положили: посадить королевну с её детищем в бочку, засмолить и пустить по морю.

Вот посадили их в бочку и пустили по морю; бочка всё дальше и дальше плывёт, а у королевны сын не по часам, по минутам растёт. Прибило волной бочку к острову и разбило её о край берега. Сын с матерью вышли на остров, стали кругом осматривать, для жилья место выискивать. Заходят они в тёмный лес, и увидал сын: лежит на дорожке кошелёк; поднял его и обрадовался — в кошельке кремёнь и огниво, будет чем огонь высекать. Вот он ударил огнём о кремёнь — тотчас выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Постройте нам дворец, да чтоб было что поесть-попить!» Топор принялся рубить, а дубинка сваи вбивать, и вмиг построили такой славный дворец, какого ни в одном государстве не бывало — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать! А во дворце всего вдоволь; чего только душа запросит — всё есть!

Проезжали мимо острова купцы-торговцы, тому дворцу дивовались; приплывали они в государство

Ивана-королевича, а уж Иван-королевич успел жениться на другой жене. Как только привалили корабли с товарами к берегу, тотчас пошли купцы к королевичу с докладом, с гостинцами. «Гой, купцы-торговцы! — говорит им Иван-королевич. — Вы много морей изъездили, во многих землях побывали; не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают купцы, что на море-океане, на таком-то острове доселева рос дремучий лес да разбой стоял: нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать, а теперь стоит там такой дворец, какого лучше во всём свете нет! А живёт в том дворце прекрасная королева с сыном.

Иван-королевич стал собираться на остров; хочется ему поехать, самому на то диво посмотреть. А старшая сестра-лиходейка давай его останавливать: «Это, — говорит, — что́ за диво! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть зелёный сад; в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет и пыль на сто вёрст мечет, возле мельницы золотой столб стоит, на нём золотая клетка висит, и ходит по тому столбу учёный кот: вниз идёт — песни поёт, вверх поднимается — сказки рассказывает».

Поехали купцы назад и заехали к королевне на остров; она встречает их с честью, угощает с радостью. То, другое — стали промеж себя разговаривать; купцы и рассказали: как были они у Ивана-королевича, как Иван-королевич хотел было на остров ехать дворец смотреть и как старшая сестра остановила его. Сыновья королевни всё это выслушал и, только

купеческие корабли отплыли, вынул свой кошелёк, ударил огнём о камень — тотчас выскочили топор и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Чтоб завтра около нашего дворца был зелёный сад, а в том саду была мельница — сама бы молола, сама бы веяла и пыль на сто вёрст метала; чтоб возле мельницы золотой столб стоял, на нём бы золотая клетка висела и ходил бы по тому столбу учёный кот!» На другой день проснулась королевна с сыном, а уж всё исполнено: около дворца сад растёт, в саду мельница, возле мельницы золотой столб стоит и учёный кот песни поёт, сказки рассказывает. Много ли, мало ли прошло времени — проезжают мимо острова купцы-торговцы, тому чуду дивуются; увидел белые паруса королевнин сын, обернулся мухою, полетел и сел на корабль.

Приплывают корабли в государство Ивана-королевича, привалили к берегу, стали на якорях, и пошли купцы во дворец с докладом, с гостинцами: вслед за ними и муха полетела. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! — говорит Иван-королевич. — Вы много морей изъездили, много разных земель видели, не слышали ль где каких новостей?» Отвечают купцы: «На море-океане, на таком-то острове доселева рос дремучий лес да разбой стоял: нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать; а теперь там такой дворец, какого лучше во всём свете нет! Живёт во дворце прекрасная королевна с сыном. Около дворца зелёный сад раскинулся, в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет, на сто вёрст пыль мечет; а возле мельницы золотой столб стоит, на нём золотая

клетка висит, и ходит по тому столбу учёный кот; вниз идёт — песни поёт, вверх поднимается — сказки рассказывает». Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка стала его удерживать-останавливать: «Это, — говорит, — что за чудо! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть золотая сосна, на ней сидят птицы райские, поют песни царские!» Тут муха озлилась, укусила тётку за нос — и в окно!

Прилетел королевнин сын домой мухою, обернулся добрым молодцем, вынул кремь и огниво, ударил — выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Чтоб заутро стояла в саду золотая сосна, на ней сидели бы птицы райские, распевали бы песни царские!» На другой день проснулась королевна с сыном — а сосна уж в саду растёт. Опять проезжали мимо острова купцы-торговцы, тому диву дивовались; приехали в царство Ивана-королевича, а королевнин сын комаром обернулся да с ними ж на корабле приплыл. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! — говорит Иван-королевич. — Вы много морей изъездили, много разных земель видели; не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают ему купцы: «На море-океане, на таком-то острове живёт во дворце прекрасная королевна с сыном; около дворца зелёный сад раскинулся, в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет, на сто вёрст пыль мечет; возле золотой столб стоит с золотою клеткою, и ходит по тому столбу учёный кот; вниз идёт — песни поёт, вверх поднимается — сказки

сказывает. Да растёт в саду золотая сосна, на ней сидят птицы райские, поют песни царские!» Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка его удерживает: «Это что за чудо! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть три братца родные — по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звёзды!» Тут комар озлился, больней прежнего укусил тётку за нос, зажужжал — и в окно! Прилетел домой, обернулся добрым молодцем и рассказал про всё матери. «Ах, — говорит королева, — то мои сыновья, а твои братья!» — «Я пойду их отыскивать!»

Долго ли, коротко ли — пришёл королевнин сын в тридесятое царство; смотрит — дом на поляне. «Дай зайду, отдохну!» Входит в горницу — там стол накрыт, на столе три просвиры лежат, три бутылки с вином стоят; а нет ни души! Взял он, отломил и съел от каждой просвиры по кусочку, отпил из каждой бутылки по глоточку и спрятался за печку. Вдруг прилетают три голубя, ударились оземь и сделались добрыми молодцами — по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звёзды. Подошли к столу, глядь — просвиры надъедены, вино надпито, и говорят промеж собой: «Если б вор забрался, он бы всё унёс; а этот только попробовал... видно, добрый человек к нам в гости зашёл!» Меньшой брат услышал эти речи, вылез из-за печки и говорит: «Здравствуйте, родные братцы! Матушка велела вам кланяться да к себе звать». Что тут было радости!

Что веселья! После того ударились они четверо оземь, поделались голубками и полетели к своей матушке.

В короткое время проходили мимо острова купеческие корабли. Купцы-торговцы смотрят на тот остров да дивуются... Вот приплыли они в государство Ивана-королевича, пошли к нему с докладом, с гостинцами. Он спросил их: «Не слышали ль где каких новостей?» Купцы рассказали ему про чудный остров: «А на том острове живёт прекрасная королева с четырьмя сыновьями; три сына красоты неописанной — по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звёзды! Ходят-гуляют по саду — весь сад освещают!» Иван-королевич не стал больше откладывать, сел на корабль и поплыл к острову; а там встречают его жена и четыре сына. Целовались, обнимались, про былое расспрашивали. Как узнал Иван-царевич всю подноготную, тотчас же отдал приказ расстрелять старшую сестру-лиходейку; вторую жену покинул, а стал жить с первой, и жили они долго и счастливо.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И МЕСТНЫХ СЛОВ

- **Аки** — как, словно, будто.
- Али** (аль) — или.
- Алтарь** — священное место в православном храме за иконостасом.
- Алтын** — старинная серебряная монета, равная 3 копейкам.
- Аршин** — старинная мера длины, равная примерно 71 сантиметру.
- Афишка** — объявление, напечатанное на бумаге, ткани и т.п.

- **Барыш** — прибыль, заработок.
- Батальонный** — командир батальона.
- Бело́ярая** (пшеница) — отборная, спелая, сильная.
- Бере́мя** — ноша, охапка, сколько можно обхватить руками.
- Беспоро́чно** — честно, без проступков.
- Бичева́ть** — бить, наказывать.
- Благослове́ние** — напутствие, разрешение; благословлять — давать согласие, соизволение.
- Богатой рукой** (живёт) — на богатую руку, богато, в достатке.
- Бо́льшая** (сестра) — старшая.

Бра́ные (скатерти) — узорчатые, вытканые с рисунком.

Бу́дет (с тебя) — хватит (тебе).

- **В будущем веке** — в загробной жизни, после смерти.

В головы́ — у изголовья.

В нау́ку (ступай) — в ученики иди.

Вельми́ — весьма, очень.

Верста́ — старинная мера длины, равная примерно 1 километру.

Ве́рша — приспособление для ловли рыбы, сплетённое из прутьев.

Во́ли не снял — не стал противиться, неволить.

Во́тчина — переходящая по наследству земля.

Вы́париться — попариться в бане.

- **Гой еси́** — ободрительное обращение, восклицание.

Голосом выть — оплакивать умершего.

Гора́здо — очень; не гораздо — не очень.

Горе́лка — водка.

Го́рница — жилая комната на втором этаже дома; чистая часть избы.

Го́рнишна — горничная, служанка.

Гра́мота — письмо, записка.

Гу́сли — струнный музыкальный инструмент.

Гусле́р — играющий на гусях.

- **Добрые порядки** — исполненное по традиции, как положено.

Досе́лева — раньше, до сих пор.

Досу́жее (время) — свободное время.

Дро́вни — крестьянские сани без кузова для перевозки грузов, дров.

Ду́мные люди — члены царской думы, верховной власти.

Ду́мный дьяк — главный письмовод царской думы.

- **Ела́нь** — обширная возвышенная луговая или полевая равнина; пашня в лесу.

Есмь я — я есть, я являюсь.

Ества (яства) — еда, угощение.

- **Жа́лованье положи́ть** — назначить плату.

Жезл — палка, трость, посох.

- **Забрюха́теть** — забеременеть, ожидать ребёнка.

Задво́ренка — живущая и работающая на задворках, скотном дворе.

Зае́дки — закуски, кушанья.

Зака́зан (путь) — запрещён.

Запира́ться — отмалчиваться, не говорить, не признаваться.

Зау́тренняя — утренняя служба в православном храме.

За́чал — начал.

Зелено́ вино — крепкое вино, сделанное из зерна; водка.

Зобе́нка — корзина, лукошко.

Зро́бить — сделать.

Зы́бка — колыбель, люлька или кроватка для укачивания младенца.

- **Изнури́лся пеш** — устал, выбился из сил от ходьбы.

Ин — значит.

- **Казённый счёт** — бесплатно, за счёт государственных средств.
- Казна́** — деньги, богатство.
- Кали́новый мост** — мощёная калиной (хворостом) дорога по болоту; просто деревянный мост.
- Конец сотворить** — похоронить.
- Коре́ц** — ковш.
- Коска** (русская) — то же, что русский дух; русская кость, русский человек.
- Кото́рия** — какой являюсь.
- Кручи́на** — тоска, грусть.
- Круши́ться** (сокрушаться) — переживать, печалиться.

- **Лазо́ревый** — синий, голубой, цвета неба.
- Ло́коть** — старинная мера длины, равная примерно 50 сантиметрам.
- Лы́чный коше́ль** — крестьянская сумка, котомка, сплетённая из лыка — молодой коры дерева.

- **Межа́** — граница, разделительная полоса.
- Меля́ныя** — написанные мелом.
- Мех** — мешок.
- Меч-кладене́ц** — стальной, булатный меч.
- Ми́ром** — все вместе; мир — общество, община.
- Млад** — молодой.
- Моле́бен** — короткая церковная служба в виде благодарности или просьбы.

- **На карау́л** (сделать ружьём на караул) — встать в стойку «смирно» с ружьём на плече.
- На левой руке** — слева.
- На плёмя беречь** — здесь: особо беречь, охранять.

На постéлю повалí — спать уложи.
На пóчте (почтóвых) ехать — ехать на почтовых лошадях без задержек, быстро.
На правой руке — справа.
Набóльшой (набольший) — старший, главный.
Навы́к (грамоте) — знает, обучен грамоте.
Наезжа́ть — догонять.
Наперёд — сначала, сперва.
Наряжа́ть (куда-либо) — давать распоряжение, отправлять (куда-либо).
Наси́льством (владеет) — нечестно, насильно.
На́слана (настланная) избушка — деревянная, сделанная из досок.
Неве́рная сила — нечистая сила.
Недержáлая — новая.
Не́што — может, неужели, будто.
Ниже́ — ни (с отрицательным значением).
Ника́к — наверное, может быть, кажется.
Новина́ — непаханая земля; вырубить новину — расчистить место под пашню.
Но́не (нониче, нонче) — сейчас, сегодня, теперь.

- **О чём вы быётеся** — здесь: на что спорите.
- Обе́дня** — утренняя или совершаемая в первой половине дня служба в православном храме.
- Оде́жа** — одежда.
- Опалíться** — гневаться, попасть в опалу — в немилость.
- Опа́ра** — дрожжевая закваска для теста, которая делает его пышным, увеличивает в объёме.
- Опра́влены** — оправданы, признаны правыми.
- Опри́чь** — кроме.
- Остро́г** — тюрьма.
- Отдых взять** — отдохнуть, остановиться на отдых.

Очи — глаза, **очьми́** — глазами.

● **Па́лица** — боевое оружие в виде тяжёлой дубинки.

Пенька́ — верёвка из волокон, получаемых из стеблей конопли.

Пеня́ть — упрекать, изъявлять неудовольствие.

Переве́даться си́лами — помериться силами, побороться, вступить в поединок.

Пересто́ять — пожить временно, переночевать (встать на постой).

Под крест (подходить) — целовать крест в конце церковной службы.

Под святы́е — под иконами; по православному обычаю тело умершего помещают рядом с иконами и читают молитвы об упокоении.

Подкли́кать — кли́кать, подзывать, звать.

Положить завет — договориться, дать обещание, клятву.

Поло́н — плен.

Полу́шка — самая мелкая старинная монета на Руси, $\frac{1}{4}$ часть копейки.

Поняты́е — свидетели.

Попра́виться — побороться, потягаться, помериться силами.

По́прище — вид деятельности, занятие.

Поро́жний — пустой.

Порфи́ра — торжественная, праздничная одежда царей, мантия.

Послы́шать — услышать.

Поснеда́ем — поедим, пообедаем; **снедь** — еда.

Потреби́ть (кого-либо) — победить, осилить.

По́тчевать — угощать, предлагать еду.

Почива́льня — спальня.

Почтёт (за кого-либо) — примет за кого-либо.
Прельститься — здесь: захотеть иметь, желать обладать чем-либо.

Приказчик — поверенный в делах, уполномоченный от хозяина.

Пристав — надсмотрщик, должностное лицо.

Присягнуть — дать клятву, поклясться.

Провалище — вход в пещеру, подземелье.

Прогон (на прогоне) — мощёная дорога, лежни; здесь: удобная.

Промеж — между.

Просви́ра (просвирка) — специально выпекаемые белые хлебцы особой формы, употребляемые в православном богослужении.

Псалты́рь (псалтирь) — книга церковных песнопений и молитв.

Пуд — мера веса, равная 16 килограммам.

● **Ра́дая** — радостная, довольная.

Радёть — заботиться, проявлять усердие, старание.

Разъяри́ть (коня) — здесь: объезжать.

● **Са́жень** — старинная мера длины, равная размаху рук от кончиков пальцев одной до кончиков пальцев другой.

Сам себе большо́й — сам себе хозяин, независимый человек.

Сги́нуть — пропасть, исчезнуть.

Сдаётся — кажется.

Сена́торы — верховная власть.

Сени — веранда, прихожая, передние комнаты в доме; решетчатые сени — с перилами, открытые.

Сквозь строй прогуляться — быть подвергнутому наказанию, состоящему в следующем: провинившегося проводили между двумя рядами солдат, которые били его палками.

Сме́ты нет — счёта нет, много.

Смустіть (на грех) — подбить на плохое дело.

Срядіться — здесь: собраться.

Сряду — подряд.

Стояро́стовое (стояросовое) — пряморастущее, стоящее стоймя дерево.

Сукно́ (чёрное) — вид ткани, траур (чёрной тканью убирают жилище умершего).

Сули́ть — обещать.

Супро́тив — напротив, против.

Сусёк — огороженное место в сарае, амбаре для хранения зерна, ларь для муки.

Сы́тица (медовая) — пища, еда; подслащённая мёдом вода.

● **Темни́ца** — тюрьма.

Тоё — той.

Тож — тоже, также.

То́жно — тогда.

Тракти́р — гостиница с рестораном; закусочная со спиртными напитками для простых людей.

Тра́хт (тракт) — большая проезжая дорога.

Три́десять — тридцать.

Тын — ограда, забор из вертикально поставленных брёвен, жердей.

● **Уго́дя** — земли, пригодные для использования в хозяйстве.

Ужахну́ться — ужаснуться, удивиться.

Узда́ — часть сбруи, надеваемой на голову лошади, для управления ездой.

Улича́ть — обвинять в чём-либо, доказывать виновность.

Уро́чный (день, час) — назначенный, условленный.

Уста́ — губы.

Учли́во — учтиво, вежливо.

- **Фунт** — старинная мера веса, равная примерно 400 граммам.

- **Хво́рост** — здесь: камыш.

Хлеб-соль води́ть вместе — дружить, быть очень близкими людьми.

- **Целю́щая** (вода) — исцеляющая, живая вода.

- **Чай** — наверное.

Ча́рка (чара) — старинный сосуд для питья вина.

Челобѣ́тна (челобитная) — письменное прошение, обращение в суд, жалоба.

- **Шара́шиться** — двигаться с шумом, напролом.

Шело́м — шлем.

Шесто́к — площадка перед топкой у русской печки.

Шлю́ся (на них) — ссылаюсь.

Што́фик (штоф) — четырёхгранная бутылка для вина, водки.

- **Юныш** — юноша, молодой человек.

- **Ярый** (воск) — светлый, белый.

БЕЗ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА НЕ БЫВАЕТ!

В помощь родителям, педагогам и библиотекарям

Вряд ли требуется тратить много слов, чтобы напомнить педагогам о первоочередной задаче школы: воспитывать из детей патриотов, прививать им любовь к русской культуре, русскому языку — этим основополагающим национальным ценностям. Одну из благодатнейших возможностей решить эту задачу предоставляет фольклор, а в нем самый любимый детьми жанр — русские народные сказки. Они представляют собой уникальный источник, позволяющий заглянуть в глубинную историческую память народа, понять систему его ценностей.

В сказках есть одна тема, мимо которой, к сожалению, обычно проходят даже большие знатоки сказочного фольклора. Это тема **грамотности**, тема **письменности**, **чтения**. Зачастую она реализуется посредством использованием образа того или иного письменного источника — надписи, записки, письма, грамоты, указа и так далее до книги включительно.

Каждый, несомненно, знает самый распространенный сказочный сюжет: главный герой, будь он хоть сын самой бедной многодетной вдовы Иван-дурак, хоть Иван-царевич, отправляется куда глаза глядят, попадает на распутье трех дорог и видит либо бел-горюч камень, либо столб с надписью: «Налево пойдешь...». Остановимся и задумаемся: действие происходит в незапамятные времена, а Иван без каких-либо затруднений читает эту надпись! Более того: ведь и тот, кто до появления Ивана эту надпись сделал, тоже был грамотен и, в свою очередь, не сомневался, что любой, кто ее увидит, свободно ее прочтает и правильно поймет.

Не означает ли это, что славяне, люди одной из древнейших на Земле цивилизаций, имели письменность по крайней мере за тысячу лет до просветительской деятельности святых Кирилла и Мефодия, якобы первыми одаривших Древнюю Русь азбукой?

Ознакомление с народными русскими сказками свидетельствует, что в них сюжеты, связанные с грамотностью, письменностью, книжностью, занимают неожиданно большое место: тема письменной куль-

туры звучит практически в каждой пятой сказке! Если обратить внимание детей на эти моменты, они легко и естественно приобщатся к вековым культурным традициям русского народа как государствообразующей нации, полюбят ее прошлое, полюбят свою малую родину, проникнутся пониманием важности быть образованными, эрудированными людьми. Организовав обучение с увлечением, учитель получит возможность решить одновременно несколько важнейших образовательных и воспитательных задач.

Чтобы облегчить руководителям детского чтения возможность проведения соответствующей работы, Русская школьная библиотечная ассоциация в 2008-2009 гг. провела среди школьников 1 — 4 классов Всероссийский конкурс «Сто сказок о книге и чтении». Этот конкурс оказался чрезвычайно удачным: редакция журнала «Школьная библиотека» получила около полутора тысяч работ из 54 регионов Российской Федерации. Участвовали, как правило, сразу целыми школами, преимущественно из деревень, сёл, поселков, небольших городов. Но участвовали школы и таких крупных городов, как Санкт-Петербург — оттуда пришло 156 конкурсных работ, Москва (70 работ), Ессентуки, Владивосток, Абакан, Томск, Нарьян-Мар, Ульяновск, Нальчик и др. По количеству участников самыми активными (от них поступило приблизительно по 60 конкурсных работ) проявили себя школы Ленинградской области, Алтайского края и Челябинской области. Шесть регионов представили по 40-50 работ (это Кемеровская, Самарская, Тверская и Тюменская области, Ставропольский край и Удмуртия). Из четырех регионов (Башкортостана, Пермского и Приморского краев, Иркутской области) — пришло от 36 до 39 работ. Из 12 регионов поступило от 20 до 30 работ, из 12 других регионов — от 10 до 20. В остальных 20 регионах участников было менее десяти в каждом. Но надо иметь в виду, что на рассмотрение строгого всероссийского жюри присылали отобранные из многих, самые лучшие работы. Иными словами, фактическое число участников конкурса на один-два порядка выше.

В качестве руководителей выступили 314 учителей и воспитателей, с их помощью было подготовлено 676 работ. В конкурсе приняли участие также 108 библиотекарей, под их руководством было подготовлено 535 работ. Детям активно помогали родители, дедушки и бабушки. Таким образом, общее количество участников конкурса превышает 20—30 тысяч человек — население целого города!

Самую большую возрастную группу (более трети) составили десятилетние дети. Это обстоятельство дает хороший ориентир руководителям детского чтения, подсказывая, что основное внимание целесообразно уделять ребятам этого и более старшего возраста, поскольку

интерес к сказкам угасает с взрослением читателей постепенно. Учащиеся этого возраста охотно читают и слушают сказки, охотно рисуют, изготавливают поделки, с ними легко проводить конкурсы, викторины и другие групповые мероприятия.

Основная масса детей в ходе конкурса прочитали от 6 до 15 сказок, хотя 120 человек прочитали от 50 до 90 и более произведений. Лидером чтения с большим отрывом от остальных конкурсантов стал девятилетний Дмитрий Тюмеров из чувашского села Октябрьское Мариинско-Посадского района: он прочел 225 сказок. На втором месте оказалась одиннадцатилетняя Вика Белова из поселка Янталь Иркутской области, она прочла 182 сказки. 108 сказок прочитала десятилетняя Наталья Стенина из города Краснокамска Пермского края, 101 сказку — Карина Курчакова десяти лет из хутора Михайлов Тацинского района Ростовской области. Ровно по сто сказок прочли 17 конкурсантов в возрасте от 7 до 11 лет.

Самыми любимыми оказались следующие сказки: «Никита Кожемяка», «Царевна-лягушка», «Елена Премудрая», «Летучий корабль», «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», «Береза и три сокола», «Сказка о молодильных яблоках и живой воде», «Иван-царевич и серый волк», «Окаменелое царство», «Птичий язык», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Кощей Бессмертный», «Сказки (былины) об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике», «Вещий сон», «Сказки (былины) об Алеше Поповиче», «Безручка».

Выбор этих сказок примерно в одинаковой степени характерен для детей разных возрастов, как для мальчиков, так и для девочек.

По условиям конкурса дети иллюстрировали наиболее полюбившиеся им сказки, причем в сюжете надо было изобразить книгу. Кроме того, участники конкурса писали сочинения, в которых высказывали отношение к прочитанному.

Надеемся, что наш опыт поможет вам в вашей работе с детьми. Вы тоже можете не просто прочитать книгу с ребятами, а устроить конкурс, подобный нашему.

Поняв, что брошенное зерно упало на благодатную почву, Русская школьная библиотечная ассоциация решила продолжить реализацию предпринятого проекта и издать сборники этих сказок, которыми откроется новая литературная серия книг для детей «Библиотечка журнала "Читайка"».

Русские народные сказки издревле пользуются особой любовью нашего народа. Их издавали и переиздавали сотни, если не тысячи раз. Но издание, предлагаемое вашему вниманию на этот раз, своеобразно. Отобраны те сказки, в которых существенную роль в сюжете

играет тема грамотности, книги — во всех ее проявлениях, чтения. Книга проиллюстрирована лучшими рисунками ребят — участников конкурса.

Сборник «100 сказок о книге и чтении» из-за большого объема поделен на две книги. Но даже в таком виде в него невозможно вместить все сто сказок. Поэтому мы не стали включать сказки с близкими или повторяющимися сюжетами, а выбрали наиболее яркие, интересные, запоминающиеся и доступные детям 10—12 лет. Для тех же, кто хочет прочитать все сказки на эту тему, в конце книги мы помещаем полный рекомендательный список.

В сопровождавших детские работы откликах взрослых (библиотекарей, учителей, родителей) отмечались главные трудности в проведении конкурса: отсутствие в домашних и школьных библиотеках сборников сказок и чрезвычайно малое количество сказок, адаптированных для понимания детьми младшего школьного возраста. Большие затруднения создает устаревший язык, который не всегда понятен детям, а в ряде случаев и руководителям детского чтения. Эти препятствия мы постарались минимизировать в настоящем издании. Тексты сказок дополнены Словарем с разъяснением устаревших слов и выражений, что поможет юным читателям адекватно воспринимать текст и смысл сказок.

Приобрести сборники народных сказок о чтении можно, подписавшись на серию книг «Библиотечка журнала “Читайка”», которая начнет выходить со второго полугодия 2011 года. Кроме сборников сказок в этой серии будут издаваться произведения современных детских писателей и поэтов. Подписку можно оформить во всех отделениях связи через подписные каталоги: «Роспечать» (80944), «Пресса России» (90932). Более подробную информацию об этой серии и о других изданиях РШБА можно найти на портале школьных библиотек России www.rusla.ru.

Ю.Н. Столяров,
*главный научный сотрудник
Центра исследований истории книжной культуры
Российской академии наук
доктор педагогических наук, профессор*

Что сказок о книге и чтении

(рекомендательный список)

1. Алёша Попович
2. Архиерей отчитывает
3. Баба-яга и Заморышек
4. Барин и Егерь
5. Беглый солдат и чёрт
6. Безногий и слепой богатыри
7. Безручка
8. Берёза и три сокола
9. Бесстрашный
10. Василий Буслаевич
11. Василиса-поповна
12. Вещий мальчик
13. Вещий сон
14. Волк-дурень
15. Волшебное зеркальце
16. Вор
17. Ворожея
18. Два Ивана солдатских сына
19. Добрыня и Настасья
20. Елена Премудрая
21. Жадный поп, мужик и архиерей
22. Заколдованная королевна
23. Звериное молоко
24. Золотой башмачок
25. Зорька, Вечорка и Полуночка
26. Иван Бесталанный и Елена Премудрая
27. Иван-дурак
28. Иван купеческий сын отчитывает царевну
29. Иван-царевич и Белый Полянин
30. Иван-царевич и Марфа-царевна
31. Илья Муромец и змей

32. История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике
33. Как два кума брагой торговали
34. Как царь вором был
35. Каков я!
36. Косоручка
37. Кощей Бессмертный
38. Крест-порука
39. Купеческая дочь и служанка
40. Купленная жена
41. Курочка
42. Летучий корабль
43. Мара Богатый
44. Марко Богатый и Василий Бессчастный
45. Меч-самосеч, кнут-самотряс и волшебная рубаха
46. Морской царь и Василиса Премудрая
47. Мужик и барин
48. Недогадливый кучер
49. Незнайко
50. Непокорная баба
51. Неумойка
52. Никита Кожемяка
53. Окаменелое царство
54. Оклеветанная купеческая дочь
55. Пахом
56. По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре
57. Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что
58. Покатигорошек
59. Поп-ворожейка
60. Правда и Кривда
61. Притворная болезнь
62. Про Мамаю безбожного
63. Птичий язык
64. Райская дудка
65. Рассказы о ведьмах
66. Рассказы о мертвецах
67. Сказка о богатыре Голе Воянском

68. Сказка о Бессчастном стрелке
69. Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе
70. Сказка о золотом, серебряном и медном царствах
71. Сказка о молодильных яблоках и живой воде
72. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде
73. Сказка о рыбаке
74. Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове
75. Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке
76. Сказка об одноглазом царевиче
77. Сказка про братьев Фому и Ерёму
78. Сказка про утку с золотыми яйцами
79. Скорый гонец
80. Скрипач в аду
81. Скрыга
82. Смерть скупого
83. Сны
84. Солдат Девяткин
85. Солдат избавляет царевну
86. Солдат-лекарь
87. Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом
88. Суд о коровах
89. Три царства — медное, серебряное и золотое
90. Умная жена
91. Фома Беренников
92. Хорошо, да худо
93. Царевна-лягушка
94. Царевна-серая утица
95. Царевна, разрешающая загадки
96. Царица-гусяр
97. Царский водовоз и богатырка синеглазка
98. Царь-девица
99. Чёрт-заимодавец
100. Яичко

Содержание

Обращение к читателю.....	3
Елена Премудрая	5
Царевна, разрешающая загадки	12
Вещий сон.....	15
Птичий язык	26
Скорый гонец	30
Окаменелое царство	38
Берёза и три сокола	42
Илья Муромец и змей.....	44
Царица-гусяр	53
Рассказы о ведьмах.....	56
Фома Беренников	59
Скряга	64
Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	67
Сказка о богатыре Голе Воянском	70
Правда и Кривда	76
Иван-царевич и Марфа-царевна	78
Летучий корабль.....	87
Никита Кожемяка	94
Беглый солдат и чёрт.....	97
Два Ивана солдатских сына	103
Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке.....	118
Кощей Бессмертный	134
Три царства — медное, серебряное и золотое.....	148
Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	163
По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре	168
Словарь старинных и местных слов	175
Ю.Н. Столяров. Без волшебных сказок счастливого детства не бывает!	184
Сто сказок о книге и чтении (рекомендательный список).....	188

Литературно-художественное издание
БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «ЧИТАЙКА»
Выпуск 1

**100 СКАЗОК
О КНИГЕ И ЧТЕНИИ**

Русские народные сказки

В двух книгах
Книга первая

Главный редактор Т.Д. Жукова

Редактор И.Б. Котунова
Корректор А.А. Луговицкая
Дизайнер М.В. Григоренко
Компьютерная верстка Т.В. Полина

Подписано в печать 20.09.11
Формат 70х90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт «Прагматика».
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 10.2. Усл. печ. л. 16.38.
Тираж 1000 экз. Заказ

РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ

Адрес для писем: 115114, г. Москва,
1-й Кожевнический пер., д. 6, стр. 12
Тел./факс: (495) 788-10-50

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в типографии ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»,
ВПК «Офсет» 400001 г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 26-60-10, 97-48-21, 97-49-40